

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
Институт филологии и языковой коммуникации
Кафедра теории германских языков и межкультурной коммуникации

УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой ТГЯиМКК
_____/О.В. Магировская/
«_____» _____ 2019 г.

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ

**ЖЕСТОВЫЙ ЯЗЫК
КАК ОСОБАЯ СИСТЕМА КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ
(на материале жестов, репрезентирующих эмоции и чувства
в американской и русской лингвокультурах)**

45.04.02 Лингвистика
45.04.02.01.00 Межкультурная коммуникация и перевод

Магистрант	_____	Е.С. Привалихина
Научный руководитель	_____	д-р филол. наук, доцент О.В. Магировская
Нормоконтролёр	_____	М.В. Файзулаева

Красноярск 2019

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЖЕСТОВОГО ЯЗЫКА	8
1.1. Коммуникация как полимодальная система	8
1.1.1. Знаковый характер языковой коммуникации	8
1.1.2. Полимодальность как неотъемлемая черта коммуникации	11
1.2. Жестовый язык как самостоятельная система концептуализации	14
1.2.1. Основные подходы к изучению жестового языка и проблема его определения	14
1.2.2. Проблема типологии жестового языка	21
1.2.2.1. Фонемный уровень жестового языка (дактильная азбука и жесты)	23
1.2.2.2. Лексический уровень жестового языка	25
1.2.2.3. Морфологический уровень жестового языка	28
1.2.2.4. Синтаксический уровень жестового языка	30
1.3. Жестовый язык как особая система концептуализации	32
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1	35
ГЛАВА 2. СПЕЦИФИКА КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ЭМОЦИЙ И ЧУВСТВ В АМЕРИКАНСКОМ И РУССКОМ ЖЕСТОВЫХ ЯЗЫКАХ	37
2.1. Специфика жестовой концептуализации эмоций и чувств	37
2.1.1. Эмоции и чувства как объект концептуализации.....	37
2.1.2. Категория «Эмоции и чувства» в американском жестовом языке ..	38
2.1.2.1. Концептуализация на основе внутреннего переживания эмоций	

и чувств	39
2.1.2.2. Концептуализация на основе ориентированности эмоции / чувствана субъект / объект	45
2.1.2.3. Концептуализация на основе физического проявления эмоции / чувства.....	50
2.1.3. Категория «Эмоции и чувства» в русском жестовом языке	52
2.1.3.1. Концептуализация на основе внутреннего переживания эмоций и чувств	55
2.1.3.2. Концептуализация на основе ориентированности эмоции / чувства на субъект / объект	59
2.1.3.3. Концептуализация на основе физического проявления эмоции / чувства.....	65
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2	69
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	72
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	76

ВВЕДЕНИЕ

Магистерская диссертация посвящена теоретическому обзору имеющихся российских и зарубежных исследований по проблеме жестового языка как неотъемлемого аспекта коммуникации, самостоятельного семиотического кода, особой системы концептуализации, а также, сопоставлению жестовой концептуализации эмоций и чувств американской и русской лингвокультур.

В настоящее время жестовый язык рассматривается в широком спектре научных областей – от дефектологии и сурдопедагогики до собственно лингвистических учений и вычислительных наук – в рамках как зарубежной, так и отечественной науки. Настоящая работа входит в число работ по социокогнитивной лингвистике – направления на стыке когнитивной лингвистики, лингвокультурологии и психолингвистики.

Актуальность изучения жестового языка заключается в его недостаточной изученности в лингвистической науке и необходимости рассмотрения жестового языка как полноценной системы кодирования, существующей наравне с вербальным языком. Это позволит глубже проникнуть в специфику коммуникации как сложной, интегративной деятельности, вывести исследования языковой концептуализации на новый уровень и поставить перед лингвистами ряд вопросов, касающихся знаковой репрезентации объектов реального мира.

Описание составляющих жестового языка как особой системы концептуализации обуславливает **новизну** выбранной темы.

Объект исследования – жестовый язык как система концептуализации.

Предмет – знаки жестового языка, репрезентирующие наиболее важные эмоции и чувства в американской и русской лингвокультурах.

Цель исследования – формирование единой теоретической базы исследования жестового языка как особой семиотической системы и

установление специфики жестовой концептуализации эмоций в американской и русской лингвокультурах.

Достижение данной цели обуславливает постановку и решение следующих **задач**:

1. Определить основные теоретические понятия исследования: «жестовый язык», «концептуализация», «уровни концептуализации»;
2. Рассмотреть жестовый язык как особую систему кодирования, передачи и получения информации;
3. Систематизировать существующие типологии жестового языка;
4. Выявить особенности жестовой концептуализации эмоции и чувств в американском и русском жестовых языках.

В данном исследовании выдвигается **гипотеза** о том, что система жестовой концептуализации, отличная от системы вербальной концептуализации, фиксирует лингвокультурную специфику мировосприятия мира. В основе данной системы концептуализации лежат основные базовые характеристики кодируемых концептов.

Реализация поставленных задач осуществлялась с помощью следующих **методов**: теоретический анализ, обобщение, систематизация, дефиниционный анализ, метод описания, сопоставительный анализ.

Теоретическая значимость исследования обусловлена представлением жестового языка не только как полноценного коммуникативного кода, но и своеобразной платформы познавательных процессов, в частности, концептуализации.

Практическая значимость данной работы заключается в возможности применения результатов исследования в курсах по теории коммуникации, когнитивной лингвистике, межкультурной коммуникации и их востребованности специалистами других областей знания в практической деятельности.

Теоретической базой послужили работы отечественных (И.Ф. Гейльман, Г.Л. Зайцева, В.Б. Кашкин, Т.П. Давиденко, Е.В. Прозорова

и др.) и зарубежных (W.C. Stokoe, S. Goldin-Meadow, K. Emmorey, U. Zeshan, T. Johnston и др.) учёных.

В качестве **материала** исследования используются 80 видео-примеров жестов американского (*American Sign Language*) и русского жестового языков, взятых из электронного словаря *Spread the Sign* – международного словаря 37 жестовых языков мира [Spread the sign: URL], электронных словарей американского жестового языка *Hand Speak* [Hand Speak: URL] и *Signing Savvy* [Signing Savvy: URL], а также словаря русского жестового языка Сурдосервер [Сурдосервер: URL]. Жесты можно просматривать в формате видеоролика. Более того, с 2012 года в словаре доступны для просмотра целые предложения на жестовых языках.

Апробация результатов исследования. Материалы данной работы были представлены на ежегодной конференции ИФиЯК (СФУ) «Язык, дискурс, (интер)культура в коммуникативном пространстве человека» в 2018 и 2019 годах. Кроме того, результаты исследования опубликованы в научном журнале «Siberia Lingua» и в сборнике материалов Международного конгресса по когнитивной лингвистике «Когнитивные исследования языка» (журнал из перечня ВАК).

Структура работы. Магистерская диссертация состоит из Введения, теоретической и практической глав, Заключения и Списка использованной литературы.

Во Введении определяется актуальность темы, и отмечаются научная новизна исследования, его теоретическая и практическая ценность, характеризуются объект и предмет диссертации, её цель и задачи, указываются используемые методы, описывается структура диссертации.

В Главе 1 «Теоретические основы исследования жестового языка» раскрывается определение коммуникации как полимодального сложного единства, описывается жестовая модальность и существующий на её основе жестовый язык глухонемых, даётся обзор подходов к жестовому языку,

приводятся классификации и типологии разных уровней жестового языка, жестовый язык описывается как особая система концептуализации.

В Главе 2 «Специфика концептуализации в американском и русском жестовых языках» представлена классификация способов жестовой концептуализации, состоящей из трёх групп; подробный анализ жестов американского и русского жестовых языков, репрезентирующих эмоции и чувства и входящих в одну из трёх групп по способу концептуализации.

В Заключении приводятся основные результаты исследования и намечаются дальнейшие перспективы исследования.

Список использованной литературы включает 94 источника, из которых 52 на английском языке.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЖЕСТОВОГО ЯЗЫКА

1.1. Коммуникация как полимодальная система

1.1.1. Знаковый характер языковой коммуникации

Формирование такой области научного знания, как коммуникация началось еще в древние времена. Это подтверждается большим количеством определений в различных областях профессиональной и научной деятельности. В частности, американский ученый-психиатр Ю. Рюш совместно со своим коллегой У. Кисом выделили 40 различных подходов к коммуникации в разных сферах, включая архитектуру, антропологию, психологию, политику и многие другие [Ruesch, Kees, 1956].

Пристальное внимание исследователей коммуникация стала привлекать в XX в. Особый интерес данное явление вызывает в гуманитарных науках – языкознании, социологии, психологии.

В лингвистике коммуникацией традиционно принято называть обмен значениями (информацией) между индивидами через посредство общей системы символов (знаков), языковых знаков, в частности [Кашкин, 2000]. М.А. Василик акцентирует внимание на социальном аспекте коммуникации и определяет ее как «социальное объединение индивидов с помощью языка или знаков, установление общезначимых наборов правил для различной целенаправленной деятельности» [Василик, 2003: 13]. По мнению А.П. Моисеевой, коммуникация – это обмен информацией между взаимодействующими субъектами при помощи знаков, слов [Моисеева, 2004]. Стоит подчеркнуть, что во всех приведённых трактовках понятие «знак» играет ключевую роль. Это во многом объясняется тем, что с его помощью индивиды способны вступать в коммуникацию и поддерживать её, обмениваться информацией, организовываться в своей совместной деятельности.

Следовательно, представляется возможным говорить о знаковой природе коммуникативного акта, коммуникации и языка в целом – знаки со своими функциями, ментальностью и коммуникативностью замещают реальные объекты, задают программу деятельности и поведения своим интерпретаторам, индивидам, оперирующим в той или иной сфере, контексте. С другой стороны, присутствие в языке таких явлений, как синонимия и омонимия противоречит некоторым правилам построения знаковых систем – конвенциональности и однозначности. По мнению В.А. Звегинцева, называть язык в целом системой знаков неправомерно [Звегинцев, 1996: 185; цит. по Ручимская, 2012: 32]. Тем не менее, несмотря на то, что фактически коммуникация не обладает всеми признаками семиотического кода, в её основе лежит взаимодействие символов разной природы.

Важным аргументом в пользу знакового характера коммуникации выступает жестовая теория происхождения языка, вновь получившая популярность после статьи Гордона У. Хьюза [Hewes, 1973]. Антрополог использовал в качестве доказательства язык жестов, показав, что освоение сознательной коммуникативной системы, основанной на мануальных жестах, даётся высшим приматам намного легче, чем овладение речью.

Наиболее четко знаковая сущность коммуникации проявляется в существующих типологиях коммуникации. Так, Р.О. Якобсон выделяет шесть функций, которые соответствуют шести компонентам коммуникации [Якобсон, 1985]:

1. Эмотивная – адресант;
2. Конативная – адресат;
3. Референтивная – контекст;
4. Поэтическая – сообщение;
5. Фатическая – контакт;
6. Метаязыковая – код;

Шестой компонент – код – является той базой, на которой коммуникация может быть реализована. Код должен быть известен обоим коммуникантам, которые, в свою очередь, должны уметь кодировать и декодировать сообщения. Если рассмотреть человеческую коммуникацию по данной модели, то кодом будет вербальный язык. Если на эту модель наложить, например, код какой-либо компьютерной программы, то кодом будет выступать язык программирования, на котором писалась данная программа. Код может быть культурным, если объектом изучения является та или иная культура. Например, французский культурный код допускает такую форму приветствия, как поцелуй в обе щеки поочередно. Такой знак будет не понят и даже воспринят негативно в Китае. Таким образом, код – последовательность знаков, в совокупности образующих смысловое сообщение.

Ранее в XX веке американский исследователь Г.Д. Лассвелл [Lasswell, 1948] разработал свою модель коммуникативного акта:

1. Кто? (отправитель);
2. Что говорит? (сообщение);
3. По какому каналу? (способ);
4. Кому? (получатель);
5. С каким эффектом? (реакция);

Данная модель выделяет способ коммуникации или канал, по которому она протекает. Способ сообщения может быть слуховым, визуальным, тактильным, вкусовым или одновременно задействовать несколько каналов. Например, вербальный язык использует слуховую модальность, т.к. это язык звучащий. Звучащая речь обычно сопровождается жестами. Следовательно, одновременно со слуховым используется визуальный канал. Люди с нарушениями слуха общаются на жестовом языке, то есть используют визуальную или мануально-визуальную модальность. Причина этого заключается в том, что жесты глухонемых исполняются руками.

В рамках футурологического подхода коммуникация отождествляется с развитием коммуникативной инфраструктуры информационного общества. Данный подход развился благодаря прочному внедрению Интернета и информационных технологий в современные коммуникативные процессы [Лоскутникова, 2004]. Он был во многом предопределён работами М. Маклюэна, провозгласившего ключевую роль визуального канала восприятия в формировании коммуникативной среды ближайшего будущего, доминантную позицию в котором будет занимать медиа [McLuhan, Fiore, 1967].

Сегодня коммуникацию онлайн уже невозможно представить без использования смайликов, стикеров, мемов, повсеместно встречающихся в социальных сетях и мессенджерах и являющихся ничем иным, как символами, знаками, невербальными средствами общения. Человек, таким образом, сталкивается с текстами, различными по типу кодирования – как знаками вербального языка, так и знаками невербального кода. Идея о том, что разные системы обработки знаковой информации не конкурируют, а сосуществуют друг с другом, вместе создавая более сложную формацию, высказывалась еще А.А. Реформатским в его утверждении о параллельном существовании данных систем [Реформатский, 1963]. Данное умение человека терминологически зафиксировано, как *полиmodalность* и стало широко исследоваться лингвистами с наступлением XXI века.

1.1.2. Полиmodalность как неотъемлемая черта коммуникации

Изучение коммуникации как обмена поликодовыми текстами между коммуникативными партнёрами является прерогативой таких направлений, как коммуникативная лингвистика и когнитивная лингвистика, но не без привлечения достижений других гуманитарных дисциплин.

Под полиmodalностью (англ. *multimodality*) в лингвистике понимают «способность человека совмещать в процессе познания и коммуникации

несколько способов (модусов) освоения мира и общения: вербальный, визуальный, кинетический (жестовый) и др.» [Ирисханова:URL].

Наиболее разработана данная проблема за рубежом (см., например, [Kendon, 1993], [Cienki, Müller, 2008], [Ferré, 2010], [Ladewig, Bressemer, 2010], [Mol, et al., 2012], [Bressemer, 2013a, 2013b], [McNeill, 2013], [Wagner, Malisz, Kopp, 2014], [Karpiński, Jarmołowicz-Nowikow, Czoska, 2015], [Boutet, Morgenstern, Cienki, 2016] и др.).

Как «сложное единство» коммуникация стала рассматриваться ещё с 50-х годов. В 60-х и 70-х гг. наблюдается рост осведомлённости в вопросе человеческой коммуникации – через многие исследования проходит идея о том, что люди коммуницируют с помощью сложных, взаимозависимых коммуникативных ресурсов. В это время также отмечается большая терминологическая разбросанность. Жесты, мимика понятийно обозначались как *невербальная коммуникация*, *паравербальные элементы коммуникации* или *экстравербальные черты коммуникации*. Соответственно, их значение в коммуникации всегда указывалось как второстепенное. Вплоть до 90-х гг. такая терминология использовалась широко и считалась валидной. Ситуация изменилась с появлением понятия «язык тела» (*bodily communication*, *body language*, *body talk*). С этого момента роль тела полностью пересматривается, его начинают изучать как источник, отображающий сложные ментальные процессы. Как следствие, тело стало обладать коммуникативной компетентностью в самом широком смысле этого слова (McNeill, 1992; Müller, 1998).

Сам термин *полиmodalность* окончательно закрепился в начале XXI века в работах Э. Маньо Кальдоньетто и П. Кози [Magno Caldognetto, Cosi, 2001], Ф. Куэка и Д. МакНилла [Quek, McNeill, et al., 2002]; Э. Маньо Кальдоньетто и И. Поджи [Magno Caldognetto, Poggi, et al., 2004], Дж. Оллвуда [J. Allwood, et al., 2005]. Ученые уделяли особое внимание вопросу разработки метода, способного описать коммуникацию как межличностное

общение, разворачивающееся в нескольких модальностях параллельно [Bonacchi, Karpiński, 2014].

В современной отечественной лингвистике вопросами полимодальности занимается О.К. Ирисханова [Ирисханова, 2017]. Так, анализируя употребление аспектуальных форм глаголов и жестов в устных нарративах на русском, французском и немецком языках, исследователь приходит к выводу о том, что соотношение между когнитивным, вербальным и жестовым аспектом коммуникативного мышления варьирует в разных языках. Это обусловлено их различиями по степени чувствительности вербального и жестового поведения говорящих к абстрактным грамматическим схемам [Там же: 60].

О.В. Фёдорова, А.А. Кибрик, Н.А. Коротаев, А.О. Литвиненко, Ю.В. Николаева развивают проблематику мультимодальной коммуникации, рассматривающей множество каналов передачи информации – вербальные единицы, просодию, жесты, мимику, направление взора и т.д. [Фёдорова и др., 2016]. Исследование на материале мультимодального корпуса «Рассказы и разговоры о грушах», позволило группе учёных сделать вывод о том, что временная координация между жестовыми и речевыми единицами существенно зависит от жанра дискурса и индивидуальных особенностей говорящих [Там же].

В области синтаксиса явление полимодальности получает особый фокус представления в работах Г.Е. Крейдлина и Л.А. Хесед [Крейдлин, Хесед, 2015]. Учёные исследуют предложения смешанного синтаксиса, которых достаточно много в русском языке, и отмечают, что в данные предложения «в качестве обязательного конструктивного элемента входят жесты, а потому эти предложения являются одним из основных объектов, изучаемых в рамках мультимодальной коммуникации» [Там же: 33].

Полимодальность коммуникации представлена в классификации Э. Маньо Кальдоньетто и И. Поджи [Magno Caldognetto, Poggi, et al., 2004].

В данной классификации выделяется 5 различных модальностей, которые используются человеком одновременно:

1. Вербальная модальность (произносимые слова и предложения);
2. Просодически-интонационная модальность (ритм речи, паузы, громкость, ударение, интонация);
3. Жестовая модальность (движения кистей, рук, плеч);
4. Лицевая модальность (движения головы и глаз, взгляд, улыбка и другие выражения лица);
5. Телесная модальность (движения туловища и ног, поза, ориентация и движения в пространстве).

Три вида модальности – жестовая, лицевая и телесная – задействуются всегда, независимо от степени развития речи и слуха у людей. В свою очередь, вербальная и просодически-интонационная модальности характерны только для звучащей речи.

Особый интерес в рамках проводимого исследования вызывает жестовая модальность как тип модальности, на основе которой существует жестовый язык глухонемых.

1.2. Жестовый язык как самостоятельная система концептуализации

1.2.1. Основные подходы к изучению жестового языка и проблема его определения

Для передачи информации человек постоянно, чаще неосознанно, прибегает к помощи языка жестов: поднятая вверх рука – просьба человека обратить на него внимание, ответить на вопрос; прижатый указательный палец к губам – просьба к присутствующим сохранять молчание. Многие жесты распознаются и понимаются всеми вне зависимости от культуры, в которой тот или иной индивидуум рос и воспитывался. Тем не менее, существуют жесты, обладающие отличным значением только в определённой культуре. Одни жесты пришли из глубокой древности, другие – появились

несколько лет назад. К таким жестам прибегают как в повседневной жизни, так и в профессиональной сфере.

Тем не менее, язык жестов (*signed language*) и его элементы не всегда способны передать сложную мысль или описать мельчайшие детали значения. Данный потенциал характерен для другой жестовой системы – жестового языка (*sign language*).

Жестовый язык – устоявшийся термин для самостоятельной знаковой системы. Жестовый язык и язык жестов похожи. Они оба используют одну и ту же модальность – обозначение с помощью рук. Тем не менее, в отличие от языка жестов жестовый язык, как и вербальный язык, обладает языковой структурой, принципами и правилами ее лексической и грамматической организации, имеет общую с вербальным языком нейронную основу и задействует преимущественно работу левого полушария головного мозга, что было доказано благодаря нейровизуализации и изучению травм мозга [Newman et al., 2015].

Язык жестов, в свою очередь, универсален. Такие жесты не имеют ряда структурных компонентов, комбинаторных правил, их нельзя использовать для достоверной передачи информации. Данный язык присущ каждому человеку в виде естественного сопровождения речи. Он является компонентом вербальной коммуникации и обеспечивает её мультимодальность.

Специфика жестового языка заключается в том, что данная семиотическая система используется конкретной общностью глухих и слабослышащих людей, а также членами их семей. По данным статистики, в СССР численность данного социума в конце XX века составляла около 45 миллионов людей – глухонемые, слабослышащие и их родственники [Цукерман, 1979].

Первые упоминания об использовании жеста среди людей в качестве единственного источника информации относятся к X-XII векам. Такая система жестов была описана в средневековом труде *Monasteriales Indicia* и

использовалась в англо-саксонских монастырях различных христианских орденов, монахам которых было запрещено разговаривать. *Monasteriales Indicia* состоял из 127 жестов, большинство из которых обозначали людей и предметы, с которыми монах взаимодействовал в своей повседневной жизни. Анализ данного жестового языка позволяет автору указать на первостепенную роль кинесики в качестве независимой системы, в которой жесты используются автономно как функциональный эквивалент целого речевого акта [Conde-Silvestre, 2001].

Распространение жестового языка возникает в конце XVIII в. в учебно-воспитательном центре для детей с нарушениями слуха во Франции под руководством аббата Шарля Мишеля де л'Эпе (*Charles-Michel de L'Épée*). Основной задачей сурдопедагогов было научить глухих писать и читать по-французски. В учебных целях язык был дополнен «методическими» жестами, обозначающими части речи, род и другую грамматическую информацию. Данная французская методика оказалась успешной и вскоре стала заимствоваться другими странами [Ходунова, 2015].

Жестовый язык долгое время находился на периферии лингвистического интереса, изучался и описывался, в основном, специалистами дефектологами, работающими в сфере преподавания языка для людей с недостатками слуха. Нередко он приравнивался к языку животных [Воскресенский, 2004]. Свой официальный статус в Российской Федерации жестовый язык получил в 2012 году [ФЗ, 2013:URL]. В настоящее время данный язык и его носители стали всё чаще рассматриваться в языковедческих работах как зарубежных, так и отечественных исследователей.

Ключевая роль в популяризации исследований по жестовому языку принадлежит американскому учёному У. Стоуки, который ещё в 60-х гг. XX века самостоятельно добился признания американского жестового языка (*American Sign Language*) полноценным человеческим языком [Stokoe, 1960]. В результате, уже в 70-х гг. американский жестовый язык стал активно

выступать в качестве объекта лингвистических исследований.

С. Голдин-Мидоу (Чикагский университет), заинтересовавшись жестовым языком, изучала роль языка в формировании знаковой системы коммуникации на примере четырёх детей в возрасте до 4-х лет с серьёзными нарушениями слуха. Слышащие родители наблюдаемых детей приняли решение не обучать их стандартному жестовому языку, отдавая предпочтение вербальному обучению, вследствие чего дети стали существенно отставать в развитии коммуникативных навыков. В ходе наблюдения за детьми в течение года с интервалами в 6 недель выяснилось, что ребёнок способен развить простую коммуникативную систему знакового характера даже при отсутствии явной лингвистической основы и при наличии тяжёлых заболеваний слуховых органов. Это проявлялось в том, что дети придумывали названия для действий и предметов и были способны, используя визуально-мануальную модальность, построить синтаксическую конструкцию, выражающую семантические отношения между данными действиями и предметами [Goldin-Meadow, Feldman, 1975]. Спустя почти 20 лет исследований и плодотворного сотрудничества с многими другими американскими специалистами в области жестового языка (Feldman, Goldin-Meadow, Gleitman, 1978; Perry, Church, Goldin-Meadow, 1988), Голдин-Мидоу приходит к выводу о том, что разнообразие коммуникативных ситуаций заставляет ребёнка с нарушениями слуха выходить за рамки холистического репрезентирования событий, действий и предметов, разбивать жест на части или использовать жест как часть более крупного единства. Именно в этот момент, по мнению учёного, жест становится языком [Goldin-Meadow, 1993].

К. Иммери, директор Лаборатории языковой и когнитивной нейронауки (*Laboratory for Language & Cognitive Neuroscience*) на базе Государственного университета Сан Диего, изучала проблему разграничения жеста, произведенного человеком слышащим и говорящим, незнакомым со знаками жестового языка (*speaker's gesture*), и жеста человека, владеющего

системой жестового языка (*signer's gesture*) [Emmorey, 1999]. Наиболее цитируемой работой Иммори является книга «Язык, когниция и мозг: изучая жестовый язык» (*Language, cognition, and the brain: Insights from sign language research*), в которой учёный описывает и анализирует проблемы влияния визуально-мануальной модальности на грамматическое устройство жестового языка, освоения языка, задействованных нейронных сетей [Emmorey, 2002].

Вопросы происхождения жестовых языков решаются, например, Д. МакКи и Дж. Кеннеди, которые сравнивали лексику американского (ASL), австралийского (Auslan), британского (BSL) и новозеландского (NZSL) жестовых языков с целью установления между ними родства [McKee, Kennedy, 2000]. В качестве материала было отобрано 100 жестов, репрезентирующих главные концепты, к которым впоследствии был добавлен некоторый процент лексики, выбранной случайным образом, т.к. часто встречающиеся концепты могут преувеличить сходство жестовых языков. Жесты сравнивались по четырём критериям: принимаемая кистью форма, положение в пространстве, движение, ориентация ладони. При совпадении всех четырёх фонемных параметров жесты обозначались как родственные, при несовпадении только одного жесты определялись как близкие, но различные (*related-but-different*). Количество родственных жестов между новозеландским и австралийским жестовыми языками составило 65.5%, между новозеландским и британским – 62.5%, между новозеландским и американским – 33.5%. Таким образом, наличие такого количества совпадений жестового выражения одинаковых концептов позволило подтвердить, что новозеландский жестовый язык принадлежит той же языковой семье, что и британский и австралийский жестовые языки. Тем не менее, большой процент расхождений в лексике указывает на то, что новозеландский жестовый язык не является их диалектом. Американский жестовый язык, в свою очередь, не похож на остальные три жестовых языка.

Исследователи жестового языка уже не одно десятилетие тесно

работают со специалистами в области компьютерных технологий с целью создать полноценную систему захвата жеста. А. Браффор показала на примере французского жестового языка, что в жест входят не только руки, но и взгляд, выражение лица, движения груди [Braffort, 2002]. Эти параметры способствуют определению знака и смысла предложения на любом жестовом языке [Там же].

К. Бэст одна из первых положила начало изучению жестового языка как объекта когнитивной лингвистики [Best, 2010]. Одно из её исследований фокусируется на том, какой эффект производит опыт использования жестового языка на категориальное восприятие псевдознаков американского жестового языка [Там же].

Жестовый язык в области формальной семантики является предметом изучения С. Зукки [Zucchi, 2012]. На примере местоименной анафоры, индексалов, категории времени и глаголов движения профессор Миланского университета подчёркивает, что жестовые языки представляют собой отличный от вербального языка источник для лингвистического изучения [Там же].

В отечественной лингвистике 80-90-х гг. публикации по жестовому языку всё ещё казались удивительными и непривычными, и, как вспоминает А.А. Кибрик: «<...> на вопрос: а кто занимается жестовыми языками в России? Ответить мне было нечего <...>» [Кибрик, 2008: 123].

Тем не менее, стоит отметить, что российскими учёными также предпринимались вполне успешные попытки описания жестового языка. Наиболее активно велись исследования в области сурдопедагогики и дефектологии (А.Г. Басова, С.Ф. Егоров [Басова, Егоров 1984], Р.М. Боскис [Боскис, 1961], И.Ф. Гейльман [Гейльман, 1981], А.Г. Геранкина [Геранкина, 1972], Л.С. Димскис [Димскис, 1996], Г.Л. Зайцева [Зайцева, 2000], С.А. Зыков [Зыков, 1977], И.В. Цукерман [Цукерман, 1968] и др.). Однако, собственно лингвистические работы по жестовому языку стали появляться в отечественной науке только в XXI веке.

Так, в 2007 Е.В. Прозорова подчёркивает в одной из своих статей, что «подробное описание РЖЯ исключительно важно именно для лингвистов» [Прозорова, 2007: 58]. Исследователь доказывает, что жестовой речи, также как и устной, присущи просодические признаки, в качестве которых рассматриваются смена положения головы, моргания, мануальные паузы. С помощью данных признаков можно выделить элементарные дискурсивные единицы (ЭДЕ) в русском жестовом языке. Более того, в научный оборот было введено понятие кинетического контура (схема движений головы, регулярно повторяющаяся в дискурсе русского жестового языка и распространяющаяся на одну ЭДЕ) и сформулированы принципы, на основе которых можно с высокой степенью надежности произвести сегментацию дискурса русского жестового языка на ЭДЕ, наблюдая только за движениями головы говорящего [Прозорова, 2009].

Вопросом языковой самоидентификации среди владеющих русским жестовым языком занималась Н.И. Семушина [Семушина, 2012]. По итогам опроса 55 человек (32 глухих, 13 слабослышащих и 10 слышащих), оказалось, что большинство респондентов знали, что такое билингвизм, но многие себя таковыми не считали. Более того, некоторые глухие и слабослышащие даже не указали русский жестовый язык в качестве родного, что объясняется низким статусом русского жестового языка среди носителей языка, отсутствием понимания полноценности данной языковой системы и ее самостоятельного статуса. Это ещё один аргумент в пользу того, что в случае русского языка и русского жестового языка можно говорить о диглоссии, где русский язык занимает позицию первого языка (L1), а русский жестовый язык – второго (L2) [Там же].

Таким образом, в процессе осмысления научным сообществом жестового языка как полноценного семиотического кода данная языковая система вызывает всё больший интерес, в том числе, со стороны лингвистов. Исследования ведутся в аспекте его осмысления не только как особой семиотической системы, но и особой системы концептуализации. Жестовый

язык как богатая знаковая система обладает широким набором средств для выражения смыслов и отношений между словами и, по мнению Г.Л. Зайцевой, служит базой и средством обучения глухих, в том числе и словесному языку [Зайцева, 2000].

Сложность жестового языка отражена в его типологии. В силу неполной изученности данного объекта исследования этот вопрос представляет собой серьезную научную проблему.

1.2.2. Проблема типологии жестового языка

Жестовый язык очень сложен, неоднороден и имеет несколько уровней своей организации. В настоящее время до сих пор не построено единой типологии жестового языка. Это обусловлено тем, что жестовых языков существует такое же множество, как и вербальных. Тем не менее, они не были столь тщательно изучены из-за сравнительно малой их документированности.

Жесты первоначально исследовались на материале жестовых языков глухих, в которых кинетическое поведение является единственным кодирующим средством. Позднее выработанные принципы были применены к спонтанной жестикуляции, сопровождающей речь. В XXI веке для аннотирования жестов используются разнообразные схемы, во многом зависящие от конкретных задач исследования.

Для того, чтобы создать типологию жестового языка, по мнению У. Зешэн, директора международного института жестовых языков и обучения глухих на базе университета Центрального Ланкашира (*UCLan's International Institute for Sign Languages and Deaf Studies*), в качестве двух источников следует использовать исследования по жестовому языку и лингвистическую типологию. Типология жестового языка, по мнению учёного, должна строиться на теоретических и методологических установках типологии вербального языка, привлекая результаты кросс-лингвистических

исследований по жестовому языку: «Именно раздел типологии языков должен быть наиболее заинтересован в том, чтобы добавить к обширному ряду вербальных языков языки жестовые» [Zeshan, 2006b: 672].

У. Зешэн также подчёркивает недостаточную документированность жестовых языков. Исходя из этого критерия она выделяет следующие типы жестовых языков (от наиболее к наименее изученному и описанному) [Там же: 675]:

1. Американский жестовый язык (*American Sign Language*).
2. Другие западные жестовые языки (*Other Western sign languages*).
3. Не западные современные жестовые языки (*Non-Western urban sign languages*).
4. Жестовые языки пригорода (*Village sign languages*).

Исследователь также выделяет пятый пункт, обозначая его вопросительным знаком – «?». К этой группе относятся любые другие типы жестовых языков, которые будут открыты в будущем.

У. Зешэн высказывает положение о возможности и целесообразности описания жестового языка в соответствии с уровнями, соответствующими уровням вербального языка:

1. Фонемный, которому в жестовом языке соответствуют дактиль и жесты;
2. Морфемный;
3. Лексический;
4. Синтаксический.

Исследование жестового языка в рамках вышеприведенной типологии, как представляется, позволит выявить специфику данного языка и показать его отличие от языка вербального.

1.2.2.1. Фонемный уровень жестового языка (дактильная азбука и жесты)

В отличие от языков, используемых людьми говорящими и слышащими, которые, в первую очередь, различаются по своей фонетике. Например, разница между английской буквой *y* с присущим ей звучанием и русской *у*. Данные буквы обозначают разные звуки, хотя графически выглядят одинаково. Испанская *j* и русская *х* пишутся по-разному, но означают один звук, с некоторыми различиями в произношении. Более того, звуки разных языков разделяют на звонкие и глухие, сильные и слабые, мягкие и твёрдые и т.д. Жестовые языки используют визуально-мануальную модальность. Это обусловлено тем, что люди с нарушениями слуха не воспринимают звучание или воспринимают его с трудом и, соответственно, не опираются на данный аспект смысловозначения в своей жизнедеятельности.

Особенность жестового языка состоит в том, что он включает в себя разные системы кодирования. Таких систем как минимум две: знаки дактильной азбуки и собственно жесты. Указанные системы сложно организованы и требуют освоения (так же как и звуко-буквенная система вербальных языков).

И.Ф. Гейльманом, например, разработан метод очередности освоения дактилем русской дактильной азбуки, состоящего из 7 групп, следующих друг за другом, где дактилемы объединяются с учетом особенностей их образования, конфигурации [Гейльман, 1981: 76]:

1. I группа состоит из пяти дактилем, при исполнении которых пальцы руки постепенно все более раскрываются: А Е Ё С В;
2. II группа (пальцы поочередно соединяются): О Р Н Ш Щ;
3. III группа (К И Й Н У) – кисть руки поднята, прямые пальцы раскрыты;
4. IV группа (З Д Ц Я Б) – кисть руки поднята, прямые пальцы

соприкасаются;

5. V группа (Г П Л М Л Т) – кисть руки опущена, пальцы прямые;

6. VI группа (Ч Ж Ф Ю) – кисть руки поднята, пальцы выпрямляются кончиками от себя;

7. VII группа (Х Э Ъ Ь) – кисть руки поднята, большой и указательный пальцы поочередно выпрямляются.

Данную классификацию можно охарактеризовать как своеобразное переосмысление традиционной азбуки вербальных знаков с точки зрения эффективности усвоения, своего рода азбучная концептуализация.

В отличие от дактиля, который используется для передачи имён собственных или новых, ещё не устоявшихся реалий, жест служит для визуализации как сложных и абстрактных понятий, так и для обозначения простых объектов материального мира. Так, например, У. Стоуки выделяет три главных компонента, из которых состоит каждый жест: конфигурацию, пространственное положение и движение [Stokoe, 1960: 41]. Например, жест *мать* выполняется следующим образом: В-конфигурация; пространственное положение – около лица; плавное, непрерывное движение справа налево. Данный жест, предположительно, фиксирует концептуализацию данного объекта как хорошо знакомого (находящегося постоянно рядом, лицом к лицу), что фиксируется благодаря пространственному положению, и нежного, о чем свидетельствует характер исполнения жеста (нежный, плавный).

В подходе российских учёных А.О. Литвиненко, Ю.В. Николаевой, А.А. Кибрика [Литвиненко, Николаева, Кибрик, 2017] приоритет отдается интегральным признакам, неизменным на протяжении жеста. Для изучения мануальных жестов как коммуникативно значимых движений рук, сопровождающих речь, ими применяются типология структурных элементов жеста, разработанная С.Г. Лэдвигом и Дж. Брессемом [Ladewig, Bressemer 2013: 1061]: мах, подготовка, ретракция и удержание.

Т.П. Давиденко выделяет пять компонентов жеста: конфигурация (форма руки / рук), место исполнения (локализация), направление движения, характер движения и немануальный компонент (выражение лица и артикуляция) [Давиденко и др., 2006; цит. по Королькова 2016: 47].

Достаточно распространенной является классификация иконических жестов русского жестового языка, предложенная Г.Л. Зайцевой [Зайцева, 2000]. В данной классификации выделяются 3 группы жестов:

1. Рисующие жесты, обрисовывающие контур обозначаемого предмета (например, *бакенбарды*: большой и указательный пальцы обрисовывают бакенбарды);

2. Пластические жесты, дающие пластическое изображение денотата (например, *гроб*: согнутые кисти рук, направленные кончиками пальцев от себя, кладутся одну на другую сторонами ладоней);

3. Жесты, имитирующие действия (например, *жарить*: на обращенную кверху ладонь левой руки кладется правая кисть сначала тыльной стороной, затем переворачивается и кладётся ладонью).

В целом, вопросы, затрагивающие систему обозначения с помощью дактильной азбуки (*finger spelling system*) и жестов (*signs*) могут быть охарактеризованы как наиболее разработанные. Изучение фонемного уровня жестового языка во многом дублирует изучение жестовой модальности, но с фокусом на лингвистическом аспекте дактиля и жеста. Описать и включить жесты в лингвистический уровень более высокого порядка (морфологический) является в настоящий момент приоритетной задачей.

1.2.2.2. Лексический уровень жестового языка

Лексическое разнообразие и лексика жестовых языков широко исследуются. Составляются визуальные словари, доступные онлайн. Кроме того, накапливаются корпуса жестовых языков. Однако, в настоящий момент многие жестовые языки не обладают понятием «нормы», как это есть в

вербальных языках. Неправомерно также говорить о стандартизированном пласте лексики жестовых языков [Napoli, Sutton-Spence, 2014], в связи с чем существующие классификации лексики в разных жестовых языках очень разнятся. Рассмотрим некоторые из них.

Г.Л. Зайцева выявила, что глухие в общении друг с другом используют две совершенно различные речевые системы: калькирующую жестовую речь и средства национального жестового языка – русскую жестовую речь. У калькирующей жестовой речи нет собственной грамматики. Она калькирует структуру словесного языка (русского, английского, немецкого и т. д.), поэтому является вторичной знаковой системой. Именно в этом заключается принципиальное отличие калькирующей жестовой речи от русской жестовой речи, которая устроена совсем иначе и представляет собой систему общения при помощи средств русского жестового языка, которая характеризуется собственной лексикой и грамматикой.

В калькирующей жестовой речи выделяют 2 основных класса жестов для выражения лексики [Зайцева, 2000]:

1. Жесты, заимствованные из русского жестового языка (*школа, книга*);
2. Жесты, принадлежащие только калькирующей жестовой речи:
 - собственно жесты: *дискриминация, интеграл*;
 - слова русского языка, воспроизводимые при помощи дактильной азбуки (дактильные слова): *к-о-н-с-е-р-в-а-т-о-р, к-и-б-е-р-н-е-т-и-к-а*;
 - лексемы, содержащие жест и несколько дактилем: *к-а-б + комната* ('кабинет'); *з + сухо* ('засуха'); *что + б-ы* ('чтобы') и т.д.

Особенности лексического состава русского жестового языка объясняются своеобразием субстанции жеста и функционального назначения русской жестовой речи. Первый класс жестов русского жестового языка – это жесты, у которых способ выражения значений определяется субстанцией, и

которые передают различные внешние признаки денотатов. Второй класс – жесты, семантически наиболее тесно связанные с функцией русской жестовой речи [Зайцева, 2000].

В лексике американского жестового языка традиционно выделяют 4 класса жестов [Padden, 1998]:

1. Жесты американского жестового языка (*native vocabulary*):

- простые глаголы (*plain verbs*), не передающие свойств актантов, пространственные глаголы (*spatial verbs*), отвечающие за локативную роль актантов, глаголы согласования (*agreement verbs*), указывающие на синтаксическую и семантическую роли актантов;
- отглагольные существительные;

2. Заимствованные жесты (*foreign vocabulary*):

- дактильная азбука,
- инициализированные знаки,
- именные знаки,
- заимствованные знаки,
- аббревиатуры;

3. Объединённая лексика (*unified lexicon*):

- заимствованная лексика и слоги американского жестового языка,
- простые глаголы,
- отглагольные существительные,

4. Жест + знаки дактильной азбуки (*compounds with fingerspelled forms*).

Стоит отметить, что жестовые языки до сих пор недостаточно изучены в отношении существующих региональных диалектов. Так, британский жестовый язык обладает большим количеством вариантов в зависимости от региона, что объясняется географическим расположением ведущих образовательных учреждений для глухих детей [Quinn, 2010]. Этот и многие другие вопросы лексики жестовых языков остаются открытыми и сегодня.

1.2.2.3. Морфологический уровень жестового языка

На настоящий момент изучение морфологического строя жестовых языков только приближается к тому, чтобы представить их в масштабной и всеобъемлющей классификации, которая давно разработана для вербальных языков (см., например, разграничение языков на флективные, агглютинативные, изолирующие и инкорпорирующие). Однако, результаты, достигнутые в данной области разными учёными, уже имеют весомое значение.

Австралийский исследователь Т. Джонстон на примере австралийского жестового языка показал наличие в данном жестовом языке девяти различных способов жестообразования [Johnston, 2006]:

1. Одноморфемный жест (*monomorphemic sign*) – например, жест *sister*, ни один из формационных аспектов которого не обладает отдельным значением сам по себе;
2. Составной жест (*compound*)– жест *check* состоит из жестов *see* и *maybe*;
3. Отрицательная аффиксация (*derivation through negative affixation*) – отрицательный суффикс *-neg* может быть добавлен к жесту *agree*, что в результате даёт новый жест *disagree*;
4. Включение числительного в жест (*number incorporation*) – жест *tomorrow* исполняется одной рукой: указательный палец сначала указывает на себя, затем на собеседника. В случае, когда в жесте задействуются два пальца (указательный и средний), жест будет означать *in two days*;
5. Деривация с помощью изменения движения жеста (*derivation through movement modification*) – жесты *work* и *busy* различаются только характером движения: *work* – ребро одной ладони бьёт о ребро другой, образуя крест в горизонтальной плоскости, *busy* – ладони соприкасаются друг с другом рёбрами, также образуя крест, совершают поступательное движение вперёд;

6. Образование отглагольного существительного (*derivation of a nominal from a verb*) – одно протяжное движение, используемое в глаголе *open-door*, в существительном *door* ускоряется и повторяется;

7. Морфологическое обозначение лица с помощью изменения движения жеста (*inflection ('person agreement') through movement modification*) – жест *give/ I-give-you* представляет собой две руки ладонями вверх, совершающие движение в горизонтальной плоскости от адресанта к адресату, жест *you-give-me* – движение меняется на противоположное, от адресата к адресанту;

8. Морфологическая дистрибуция с помощью изменения движения жеста (*inflection ('distribution') through movement modification*) представляет собой способ жестообразования, имеющий отношение к движению, которое характеризуется «развертываемостью» в пространстве и включает «множественные скачки». Жест *ask* исполняется у рта – большой и указательный палец руки образуют кольцо. В свою очередь, в жесте *ask-all* рука в такой же конфигурации совершает арковидный «прыжок» вправо, в жесте *ask-each* рука совершает два таких «прыжка»;

9. Сложный многоморфемный жест (*complex polymorphic sign*) используется для передачи большого количества визуально-пространственной информации об участниках в какой-либо ситуации. Например, поднятый указательный палец обозначает человека, ладонь – переднюю сторону тела человека. В такой конфигурации рука совершает движение слева направо, слегка покачиваясь вверх-вниз. Описанный жест в результате служит для обозначения человека, ходящего из стороны в сторону – *person-walk-by-from-right-to-left*.

Как следует из вышеизложенной классификации, морфологические процессы присущи не только вербальным языкам, но и языкам жестовым. Некоторые исследователи выделяют гораздо более значительное число жестообразовательных процессов, в том числе алломорфию (*allomorphy*) [Pfau, 2016]. При этом многими учёными подчёркивается тесная связь между

морфологией и синтаксисом, наблюдаемая в жестовых языках. Это подтверждается широко распространённой в жестовых языках одновременностью исполнения жестов и часто встречающейся морфологической дистрибуцией. Таким образом, разделение морфологии и синтаксиса в жестовых языках, по мнению Дж. Бэккен Джепсен, является чрезмерно сложным, если не излишним [Bakken Jepsen, et al., 2015].

Тем не менее, уровень, традиционно представленный в вербальных языках – лексический, – также характерен для жестового языка и имеет свою специфику.

1.2.2.4. Синтаксический уровень жестового языка

Несмотря на то, что синтаксис жестовых языков изучается на протяжении многих лет, исследователям ещё только предстоит сделать решительные выводы об уровне предложения в жестовых языках.

В русском жестовом языке в классе простых высказываний наиболее распространёнными являются конструкции, включающие синтагмы с одновременным исполнением двух жестов (сказывается специфика субстанции), и конситуативные высказывания. Состав простых высказываний и порядок следования жестов (более свободный, чем в калькирующей жестовой речи и русском литературном языке) тесно связаны с ситуацией общения.

В класс сложных высказываний входят бессоюзные высказывания, конструкции со связями свободного соединения, высказывания с интерференцией. Эти высказывания и аналогичные синтаксические единицы русской разговорной речи сходны по структуре, что объясняется общностью их коммуникативных функций [Зайцева, 2000].

В 2006 году была опубликована первая часть книги *Sign Language Typology Series*, полностью посвящённой рассмотрению синтаксической позиции вопросительных слов и отрицательных частиц в 37 жестовых языках

(16 европейских жестовых языков, 11 жестовых языков азиатского региона, 5 американских жестовых языков (Северная и Южная Америка), 3 африканских жестовых языка и 2 языка Океании) [Zeshan, 2006a]. В первую очередь, исследуемые языки распределили на 2 основные группы:

1. Языки с превалирующей немануальной системой отрицания (отрицание в большинстве своём выражается только с помощью движений головы, морганием) – 26 языков из 37;

2. Языки с превалирующей мануальной системой отрицания (отрицание в большинстве своём выражается только с помощью жестов рук) – 9 языков из 37.

Среди отрицательных частиц были выделены также 2 группы: правильные и неправильные. В исследовании приводятся 7 правильных категорий, которые ранжировались по частоте встречаемости:

1. Базовая отрицательная частица (*basic clause negator*) – *not*. Характерна для 36 языков из 37;

2. Отрицательное местоимение (*negative existential*) – *none, nothing*. Характерно для 29 языков из 37;

3. Отрицательный модальный глагол (*negative modal*) – *cannot, may not*. Характерен для 27 языков из 37;

4. Отрицательное наречие (*negative aspectual*) – *not yet*. Характерно для 23 языков из 37;

5. Отрицательный императив (*negative imperative*) – *don't*. Характерен для 17 языков из 37;

6. Частица, усиливающая отрицание (*emphatic negative*) – *not at all, really not*. Характерна для 7 языков из 37;

7. Частица, приписывающая отрицательное значение в сравнении с чем-либо (*contrastive negative*) – не имеет аналога в английском языке. Характерна для 3 языков из 37.

В группу неправильных отрицательных частиц входят:

1. Отрицательное соединение (*negative suppletion*) – *not-know, not-want*;

2. морфологическое отрицание (*morphological negation*):

- одновременное (*simultaneous*);
- последовательное (*sequential*):
 - клитика (*clitic*);
 - аффиксация (*affix*).

В дополнение, в синтаксисе вопросительных конструкций жестовых языков может быть выделено несколько видов:

1. Вопросительное слово на первом месте;
2. Вопросительное слово на последнем месте;
3. Вопросительное слово повторяется 2 раза: в начале и в конце предложения.

В результате данного исследования было установлено, что жестовые языки преимущественно тяготеют к постановке отрицательной частицы после глагола, исключительно к отрицательной суффиксации (префиксы зафиксированы не были), к множественному отрицанию (однако, двойные отрицательные частицы как, например, в вербальном французском *ne...pas*, не были обнаружены), к несовместимости между отрицательными местоимениями / наречиями / указателями множества и отрицательной частицей в одном предложении.

Таким образом, предложенная уровневая классификация жестового языка указывает на полноправность и необходимость рассмотрения жестового языка как объекта лингвистического исследования. Соответственно, жестовый язык, как и вербальный, может быть изучен с точки зрения того, как его носитель, т.е. как «человек конструирует мир с помощью языка в своём сознании» [Болдырев, 2016: 10].

1.3. Жестовый язык как особая система концептуализации

Факт того, что вербальный язык является системой концептов и категорий, является широко известным и общепризнанным в научном

сообществе. Все вышеизложенные положения о жестовом языке, его грамматическом устройстве, история его изучения и представленные научные достижения направлены на формирование осмысления жестового языка как самобытной знаковой системы, требующей такого же отношения, как и к вербальным языкам. Это позволяет сделать вывод о том, что жестовый язык может и должен быть изучен с позиции исследователей когнитивной деятельности человека.

Двумя основными познавательными процессами являются концептуализация и категоризация. Процесс концептуализации рассматривается как осмысление поступающей информации и формирование концептов в сознании человека [КСКТ, 1996: 93]. Концептуализация предусматривает два основных пути, которые обуславливают два разных направления исследования ее результатов и их разную ориентированность на специфику объекта исследования. Во-первых, это – накопление, расширение знаний о мире, его объектах, событиях, свойствах, а также о самом человеке как субъекте и объекте познания за счет выявления новых концептуальных характеристик как дополнительных единиц знания. Во-вторых, это – выделение единиц нового или известного знания с помощью языковых средств для их последующей передачи адресату (или активации аналогичных знаний в сознании адресата) в процессе вербальной коммуникации [Болдырев, 2011: 25].

Категоризация, в свою очередь, определяется как подведение явления, объекта, процесса и т.п. под определенную рубрику опыта, категорию и признание его членом этой категории, но в более широком смысле – процесс образования и выделения самих категорий, членения внешнего и внутреннего мира человека, упорядоченное представление разнообразных явлений через сведение их к меньшему числу разрядов или объединений, а также – результат классификационной (таксономической) деятельности [КСКТ, 1996: 42].

Процессы концептуализации и категоризации зафиксированы на всех

уровнях языковой системы. В настоящее время, выделяют лексический и грамматический уровни концептуализации.

Лексическая, или конкретно-предметная концептуализация предполагает структуризацию и систематизацию мира и особенностей его устройства в сознании индивида [Магировская, 2008: 74]. Предметы реального мира, процессы, явления, их свойства и функции, а также абстрактные понятия получают свою номинацию, после чего группируются в звенья высшего порядка согласно общим выделяющимся признакам [Там же]. Одной из центральных характеристик лексической концептуализации является её избирательность. Это обусловлено тем, что только наиболее важные для человека концепты, формирующие ядро его деятельности, получают фиксацию в языке [Там же].

В свою очередь, грамматическая концептуализация – процесс исключительно языковой, более глубинный и всеобъемлющий. Концепты, зафиксированные грамматическими конструкциями языка, характеризуются высокой степенью абстрактности, способностью отражать отношения между объектами реального мира, а также внутренние концептуальные связи [Магировская, 2008: 75].

Процессы лексической и грамматической концептуализации присущи как вербальному, так и жестовому языку.

Специфика двух систем кодирования позволяет указать на то, что вербальный и жестовый языки не похожи по своему семиотическому коду, и в их фундаменте заложены знаки разной природы. Это даёт основания говорить о том, что жестовый язык по-другому фиксирует объекты и явления реального мира. Как следствие, это приводит к идее о жестовом языке как об особой, самостоятельной системе концептуализации.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1

1. Выступая процессом обмена знаковой информацией между коммуникантами, протекающим одновременно в нескольких модальностях, коммуникация характеризуется ярко выраженной полимодальностью.

2. Полимодальность коммуникации, как существование сразу нескольких платформ познания мира, доступных человеку, раскрывается в классификации существующих модальностей. Данная классификация включает такие типы модальности, как вербальная, просодически-интонационная, жестовая, лицевая, телесная.

3. Жестовый язык – самостоятельный и полноценный семиотический код, основной способ общения глухонемых и слабослышащих. Он изучается как зарубежными, так и отечественными исследователями не только в области дефектологии, но и целым рядом лингвистических дисциплин (прежде всего, когнитивной лингвистикой, лингвокультурологией, психолингвистикой, формальной семантикой, компьютерной лингвистикой и др.).

4. Язык жестов представляет собой неспециализированную знаковую систему обозначения с помощью жестов, понятную каждому. При построении типологии данной знаковой системы, в первую очередь, различают жестовый язык как язык глухонемых и язык жестов как систему кодирования, дополняющую язык вербальный. Создание общей типологии жестового языка возможно при рассмотрении жестового языка относительно уровней вербального языка, выделяя, соответственно, фонемный, лексический, морфологический и синтаксический уровни.

5. Фонемному уровню в жестовом языке соответствуют дактильная азбука и жесты. Для освоения дактиля существует метод из 7 групп дактилем, разработанный И.Ф. Гейльманом. Жест получил различные классификации своего внутреннего устройства. Среди основных

компонентов жеста выделяют конфигурацию, пространственное положение, движение.

6. На лексическом уровне жестового языка отсутствует устоявшийся слой стандартизированной лексики, вследствие чего для разных жестовых языков релевантны разные классификации. Понятия жестовой речи и калькирующей жестовой речи присуще только русскому жестовому языку. В свою очередь, в американском жестовом языке выделяют жесты американского жестового языка и жесты заимствованные.

7. Морфологический уровень представляет собой множество способов жестообразования, таких как мономорфемный жест, составной жест, отрицательная аффиксация, деривация с помощью изменения движения жеста, дистрибуция с помощью изменения жеста и т.д.

8. Изучение синтаксического уровня жестового языка заключается в описании порядка слов в предложении на жестовом языке, сочетаемости определённых классов жестов между собой, формулировании основных тенденций жестовых языков на уровне синтаксиса.

9. Жестовый язык выступает системой кодирования, обладающей сложной внутренней организацией и особыми, отличными от вербального языка, семиотическими процессами, что делает его базой фиксирования концептов, т.е. системой жестовой концептуализации.

ГЛАВА 2. СПЕЦИФИКА КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ЭМОЦИЙ И ЧУВСТВ В АМЕРИКАНСКОМ И РУССКОМ ЖЕСТОВЫХ ЯЗЫКАХ

В данной работе отобраны жесты категории «Эмоции и чувства». Всего проанализировано 40 американских и 40 русских жестов, репрезентирующих эмоции и чувства. В качестве иллюстративных примеров теоретических положений и выводов, полученных в результате анализа, в работу вошло 13 жестов американского жестового языка и 9 жестов русского жестового языка.

2.1. Специфика жестовой концептуализации эмоций и чувств

2.1.1. Эмоции и чувства как объект концептуализации

Эмоции и чувства играют немаловажную роль в процессе жизнедеятельности индивида. Человек испытывает горе и плачет, если ему сообщают о смерти близкого родственника; удивляется и радуется, получив неожиданную новость о свадьбе лучшего друга; нервничает и злится, когда его ругают.

Е.П. Ильин рассматривает эмоцию «как рефлекторную психовегетативную реакцию, связанную с проявлением субъективного пристрастного отношения (в виде переживания) к ситуации, ее исходу (событию) и способствующую организации целесообразного поведения в этой ситуации» [Ильин, 2001: 50]. Чувства, в свою очередь, являются особым видом эмоциональных переживаний, «носящих отчётливо выраженный предметный характер и отличающихся сравнительной устойчивостью. В этом смысле чувства связаны с представлением о некотором объекте – конкретном или обобщённом (например, чувство любви к человеку, к Родине)» [Седых, 2012: 109].

На сегодняшний день разработано большое количество подходов к описанию эмоций. Так, по мнению К. Отли, базовыми эмоциями являются

счастье, грусть, страх, гнев и отвращение. Основными эмоциями ученый называет такие, которые «явно выражены физиологически и мимически и имеют биологическую основу» [Oatley, 1992: 55].

Психологи указывают на то, что эмоции являются результатом познания – индивиды оценивают события и обстоятельства, в которые они вовлечены. Таким образом, все поведенческие и экспрессивные аспекты эмоций берут своё начало в первичной когнитивной оценке [Ortony, Clore, Collins, 1988].

Эмоции и чувства широко представлены как в вербальном, так и в жестовом языке. В жестовом языке они имеют свою специфику концептуализации в зависимости от способа восприятия мира представителями разных культур.

2.1.2. Категория «Эмоции и чувства» в американском жестовом языке

Эмоции и чувства представляют собой обязательные компоненты проявления психической стороны представителей американской культуры, которая характеризуется как открытая, прямолинейная и крайне эмоциональная [Стернин, Стернина, 2001]. Американцам не свойственно сдерживать эмоции – независимо от типа последних (положительные или отрицательные). Выражать эмоции является нормой, не порицается обществом. Более того, такая эмоциональность объясняется испытываемым стрессом, который снимают «выплеском эмоций». В то же время американец не станет показывать негативные эмоции по отношению к собеседнику, что считается невежливым. Эмоциональность часто имеет сугубо ситуативный характер. Доказательством этому служит тот факт, что, по мнению иностранцев, живущих в Америке, такая эмоциональность редко бывает искренней [Там же].

Анализ жестов, репрезентирующих эмоции и чувства, показал, что жестовая концептуализация эмоций и чувств не дублирует вербальную. Она

представляет собой самостоятельную полноценную систему фиксации смыслов с помощью визуально-мануальной модальности.

В жестовой концептуализации эмоций и чувств американского жестового языка просматривается определённая специфика, которая проявляется в следующих основных способах:

1. Концептуализация на основе внутреннего переживания эмоций и чувств (29 жестов из 40);
2. Концептуализация на основе ориентированности эмоции / чувства на субъект / объект (8 жестов из 40);
3. Концептуализация на основе физического проявления эмоции / чувства (3 жеста из 40).

2.1.2.1. Концептуализация на основе внутреннего переживания эмоций и чувств

В рамках *концептуализации на основе внутреннего переживания эмоций и чувств* исполнение жеста профилирует свойства внутреннего проявления эмоции или чувства (определённого состояния души, внутреннего настроения). Особенность такого способа жестовой концептуализации заключается в том, что фиксируемая жестом внутренняя характеристика эмоции / чувства не всегда получает свою экспликацию в картине мира носителей вербального языка, т.е. такая характеристика не закреплена словарными определениями.

Данный способ жестовой концептуализации чувств и эмоций является превалирующим в американском жестовом языке.

Например, американский жест *anger* исполняется двумя руками одновременно: четыре пальца согнуты в фалангах, большой палец оттопырен, ладони смотрят на грудь, двумя руками одновременно совершается резкое движение, рисующее четверть окружности, от центра к сторонам. Описанное исполнение жеста фиксирует такую основную концептуальную

характеристику злости, как ощущение, раздирающее человека изнутри (возможно, человек, раздирающий себя сам).

Данный жест не делает акцент на внешнем проявлении эмоции, что, в свою очередь, фиксируется в вербальном языке. По определению Кембриджского словаря, *anger* – это чувство, испытывая которое, человеку хочется накричать на кого-то или ранить его или её, потому что он или она сделали что-то неправильное или плохое (*the feeling that you want to shout at someone or hurt him or her because he or she has done something bad* [Cambridge dictionary: URL]). Соответственно, в вербальном языке находят свою экспликацию такие характеристики, как желание накричать на другого (*shout at someone*), ранить или сделать больно (*hurt him or her*), что естественно для человека, когда он испытывает злость. В свою очередь, жест *anger* исполняется по направлению к исполняющему, он не направлен на потенциального собеседника.

Следовательно, жестовая концептуализация рассматриваемого чувства (*anger*) профилирует новую, дополнительную и тоже очень важную характеристику *anger*: сильное чувство, центр которого находится в груди, и которое «разрывает» человека изнутри.

Концепт *fear* фиксирует чувство оцепенения, остоленения как наиболее яркое при страхе. Для воспроизведения жеста *fear* требуется поднести две руки к груди. При этом ладони смотрят на грудь, пальцы расставлены в стороны. В таком положении руки совершают короткое резкое движение друг к другу, но не соприкасаются, движение повторяется 2 раза.

Чувство страха в американском английском вербально определено через чувства испуга и беспокойства из-за чего-то опасного, болезненного или плохого, что может случиться или уже случилось (*an unpleasant emotion or thought that you have when you are frightened or worried by something dangerous, painful, or bad that is happening or might happen* [Cambridge dictionary: URL]). В отличие от вербального знака жест выделяет в качестве ведущей характеристики чувство оцепенения: руки, выполняя

резкие движения с замиранием, концептуализируют некие тиски, оковы, не позволяющие двигаться.

Как и в случае с концептом *anger*, жест фокусируется на внутренней стороне эмоции, за счёт чего, возможно, ему удаётся акцентировать новую черту чувства *fear* – желание сжаться, замереть, скрыться.

Жест американского жестового языка *pleasure* указывает на яркие приятные внутренние ощущения. Он воспроизводится у груди: раскрытые ладони смотрят на грудь в вертикальной плоскости, одна рука выше, другая ниже. Обе руки совершают круговые движения в разные стороны: одна ладонь очерчивает круг вправо, другая влево. Исполнение данного жеста фиксирует позитивную оценку анализируемой эмоции, её благотворное влияние на эмоциональный фон человека.

Лексической единицей *pleasure* в американской лингвокультуре репрезентируется чувство наслаждения, восторга, удовлетворения (*a pleased feeling; enjoyment; delight; satisfaction* [Collins dictionary: URL]). Соответственно, в отличие от вербального способа концептуализации жест закрепляет внутреннее эмоциональное состояние как чётко положительное, в какой-то мере приносящее умиротворение, чувство сытости.

К концептуализации на основе внутреннего переживания эмоции относятся другие жесты американского жестового языка: *calm, excitement, happiness, joy, disgust, wrath, hope, pride, remorse, suffering, anxiety, pain, kindness, trust, tired, shock, guilt, puzzlement, envy, rapture*.

Отдельной самостоятельной подгруппой жестовой концептуализации на основе внутреннего проявления эмоции выступает фиксация внешнего проявления эмоции за счёт средств мимики. Это может быть улыбка и противопоставленное ей опускание уголков губ; широко распахнутые глаза, сощуренные глаза, поднятые кверху глаза; вскинутые или нахмуренные брови; выпяченная нижняя губа; надутые щёки; сморщенный нос.

Например, жест *amazement* и его концептуализация основаны на внешнем проявлении данной эмоции. Анализируемый жест исполняется

двумя руками, которые подносятся к глазам, ладони сжаты в кулаки, руки не перекрывают глаза, а находятся по бокам от них, кисти быстро раскрываются и закрываются один раз. При этом в момент, когда кулаки раскрыты, исполняющий раскрывает шире глаза и приподнимает брови, воссоздавая выражение лица при удивлении.

Обращение к словарной дефиниции существительного *amazement* (*the state of being very surprised* [Cambridge dictionary: URL]) указывает, в свою очередь, на концептуальный признак внезапности, неожиданности (*surprise – the feeling caused by something unexpected or unusual* [Merriam-Webster dictionary: URL]). Таким образом, можно говорить только о частичном совпадении жестовой и вербальной концептуализации эмоции *amazement*. Это во многом объясняется тем, что вербальное определение не описывает внешние изменения мимики, которые, в свою очередь, являются одним из конституирующих факторов жестовой концептуализации чувства удивления.

Соответственно, эмоция *amazement* жестово концептуализируется за счёт внутреннего проявления эмоции, выражающегося мимикой и подкрепляющегося мануальным жестом.

В основе жестовой концептуализации грусти (*sadness*) у представителей американской лингвокультурной общности лежит характеристика внешнего проявления эмоции: В-конфигурация, жест исполняется у лица, двумя руками, ладонями к лицу совершается движение сверху вниз, и при исполнении меняется выражение лица на соответствующее грусти – уголки губ опускаются, брови сдвигаются на переносице.

Определение из Кембриджского словаря описывает данную эмоцию как состояние, при котором человек испытывает грусть и чувствует себя несчастным (*the feeling of being sad or unhappy* [Cambridge dictionary: URL]). Такое определение требует привлечения однокоренного прилагательного *sad*, которое получает свою вербальную

идентификацию через демонстрацию и выражение плохого настроения, печали, скорби (*having, expressing, or showing low spirits or sorrow; unhappy; mournful; sorrowful* [Collins Dictionary: URL]). Словарная статья фиксирует факт того, что данная эмоция должна быть выражена или показана (*expressing, or showing*). Тем не менее, в понятийную составляющую вербального знака не включена информация о том, каким образом грусть обычно выражается на лице человека.

Исходя из проведённого анализа, представляется возможным утверждать различие вербальной и жестовой концептуализации чувства *sadness* в виду наличия мимической составляющей, которая не получает вербальной фиксации в словарях.

Исполнение жеста *embarrassment* также позволяет отнести его в подгруппу, в которой роль мимики является наиболее выделяющейся. Жест исполняется двумя руками, которые подносятся к лицу, а именно, к щекам. Ладони смотрят на лицо, при этом пальцы рук расставлены в стороны. В таком положении руки совершают несколько симметричных круговых движений. Во время описанного движения лицо репрезентирует очень сильное смущение: лоб морщится, брови сдвигаются на переносице и поднимаются, рот растягивается в подобии неловкой улыбки, которая узнаётся по открытию губ в форме квадрата и обнажению плотно сжатых зубов.

В свою очередь, словарная дефиниция устанавливает такие доминирующие черты чувства *embarrassment*, как стеснительность, пристыженность или переживание чувства дискомфорта (*shy, ashamed, or uncomfortable feelings* [Cambridge dictionary: URL]). Подобно жестам *amazement* и *sadness* вербальное определение *embarrassment* не затрагивает аспект мимики, в то время как жест опирается на неё и с её помощью концептуализирует внутреннее состояние человека.

В рамках жестовой концептуализации эмоций и чувств, следовательно, обращается внимание на внутренние эмоциональные процессы через демонстрацию эмоции мимикой.

Анализ жестов данной подгруппы, в которую также входят жесты *cheerfulness*, *funny*, *indifference*, позволяет указать на первостепенность мимического компонента жеста, не нивелируя при этом значимости ручной составной части.

В ряде случаев мимика играет немаловажную роль в дифференциации определённых эмоций и чувств и является наиболее значимым элементом жестовой концептуализации. Например, в рамках проведённого анализа были выявлены такие близкие по своему лексическому значению концепты, как *anger* и *wrath*, различие в исполнении которых заключается только в интенсивности мимического проявления эмоции: при исполнении жеста *anger* не наблюдается явных мимических изменений, в свою очередь, жест *wrath* сопровождается сморщиванием носа, открытием рта как при сильном крике, сведении бровей на переносице.

Мимическое проявление эмоции является факультативным, мимика необязательна для исполнения жеста, она только дополняет сам жест. Включение мимики в исполнение жеста, как правило, зависит от самого исполняющего, его желаний, настроений, темперамента, а также от ситуации.

Таким образом, из общего корпуса проанализированных жестов, репрезентирующих эмоции и чувства, для 29 жестов американского жестового языка характерна концептуализация на основе внутреннего переживания эмоции. В данной группе жестов формируется подгруппа жестов (6 жестов), репрезентирующих эмоции и чувства, которая опирается на фиксацию внешнего проявления эмоции с помощью мимики, сопровождающуюся мануальным жестом, усиливающим, подчёркивающим внешнее проявление эмоции. В 18 жестах из 29 носители американского жестового языка в той или иной мере задействуют мимику в качестве сопроводительного элемента жеста. Профилирование характеристик,

отличных от характеристик, которые получают вербальную лексическую экспликацию, было установлено в 22 из 29 случаев жестовой концептуализации (что выявлено в рамках сопоставления с понятийным ядром имен существительных, выступающих средствами номинации данных чувств и эмоций).

2.1.2.2. Концептуализация на основе ориентированности эмоции / чувства на субъект / объект

Концептуализация на основе ориентированности эмоции / чувства на субъект / объект предполагает исполнение такого жеста, который фиксирует направление испытываемых эмоций или чувств. Данный способ жестовой концептуализации получает развитие относительно двух векторов направленности:

1. Ориентация эмоции / чувства от субъекта концептуализации на потенциального коммуникативного партнёра, предмет, событие (7 жестов);
2. Ориентация эмоции / чувства на субъект концептуализации (исполняющего жест) извне (1 жест).

Данный способ концептуализации является вторым по частотности своей активизации в американском жестовом языке.

В жестах, обозначающих концепты *gratitude*, *being in love* и *offense*, прослеживается *ориентация на второго участника коммуникации*.

Жест *gratitude* ярко фиксирует тот факт, что чувство благодарности всегда имеет своего реципиента. Для исполнения данного жеста требуется расположить руки в пространстве перед собой, ладони смотрят на грудь, при этом пальцы рук сжаты. Кисти рук не перпендикулярны полу, а наклонены к центру. Они не располагаются на одной параллели, а немного накладываются друг на друга, т.е. одна ладонь впереди другой, и между ними также есть пространство. В таком положении руки совершают три поступательных движения вперёд, по мере которых ладони наклоняются вперёд, как бы

стремясь стать параллельными полу. Такое исполнение жеста напоминает выражение благодарности человеку, который находится прямо напротив, т.е. является потенциальным участником коммуникации.

Существительное *gratitude* включает в себя такие концептуальные признаки, как признательность за оказанную помощь и предоставленные выгоды; чувство благодарности кому-то, кто сделал другому что-либо хорошее (*a feeling of thankful appreciation for favors or benefits received; thankfulness* [Collins dictionary: URL]; *a feeling of being grateful to someone who has done something good for you* [Cambridge dictionary: URL]). Сопоставление словарного значения существительного *gratitude* и его жестовой репрезентации позволяет сделать вывод, что ведущим признаком анализируемого концепта в американской лингвокультуре выступает его ориентация на другого субъекта, действия которого вызвали данное чувство. Тем не менее, в жестовой концептуализации аспект адресованности является ведущим и единственным репрезентируемым признаком, в то время как вербальный способ фиксации включает в себя указание на внутреннюю эмоциональную сторону его проявления, а также конкретные действия, вызывающие данное чувство (*favors, benefits received, something good*).

В исполнении жеста *being in love* профилируется получатель данного эмоционального состояния, второй индивид. Он находится в пассивной роли, т.е. в роли того, кто получает любовь. Данный жест можно разделить на два этапа исполнения. Первый этап одноручный. Он заключается в поднесении одной руки в конфигурации цифры 1 к лицу и проведении линии с одной стороны от носа, близко к нему. Далее рука опускается в пространство перед собой. Вторым этапом предполагается вынесение второй руки, не задействованной в первом этапе, в пространство перед собой в положении ладонью вверх, параллельно полу. Рука выносится тогда, когда вторая, совершив элемент у лица, опускается. Завершающей фазой данного жеста является встреча двух рук: одна в конфигурации цифры 1 упирается кулаком в ладонь другой, при этом указательный палец направлен вперед.

В свою очередь, в словаре концепт *being in love* получает следующую экспликацию: чувство любви, увлечённости; привязанность (*feeling love; enamored* [Collinsdictionary:URL]; *inspired by affection* [Merriam-Webster dictionary: URL]). Интересным представляется тот факт, что словарная статья определяет влюблённость как одно из испытываемых чувств. Это могут быть:

1. Чувство симпатии к кому-то и сексуальное влечение к нему или к ней (*the feeling of liking someone very much and having sexual feelings for him or her* [Cambridge dictionary: URL]);
2. Чувство симпатии к другу или члену семьи (*the feeling of liking a friend or person in your family very much* [Cambridge dictionary: URL]);
3. Человек, к которому испытывается очень сильное влечение (*a person that you love and feel attracted to* [Cambridge dictionary: URL]);
4. Что-то, что человека очень интересует (*something that interests you a lot* [Cambridge dictionary: URL]).

Увлечённым (*enamored*) в американской культуре считается тот человек, кто подвержен сильным чувствам любви, восхищения и очарованности (*affected by strong feelings of love, admiration, or fascination* [Merriam-Webster dictionary: URL]). В свою очередь, привязанность (*inspired by affection*) определяется как чувство симпатии и заботы по отношению к кому-то или чему-то (*a feeling of liking and caring for someone or something* [Merriam-Webster dictionary: URL]).

Как и в случае с *gratitude*, жест *being in love* и его вербальные дефиниции из словарей фиксируют получателя данного чувства. При этом двухэтапное исполнение жеста позволяет утверждать, что направленность чувства – не единственный критерий, выделяющийся в жестовой концептуализации данной эмоции. Это свидетельствует о разносторонней природе жестового знака, его многоаспектности.

В исполнении жеста *offense* главную роль играет ориентация на возможного обидчика. Жест производится одной рукой справа налево. Кисть

принимает конфигурацию цифры 1 и совершает волнообразное, отрывистое движение справа налево в пространстве перед собой. Жест заканчивается таким образом, что указательный палец смотрит вперед, на того, кто предположительно нанёс обиду.

Данная эмоция словарно закреплена как такое эмоциональное состояние, в котором находится человек после того, как его оскорбили, уязвили, морально надругались, особенно когда чувства человека задеты, ранены; он раздосадован, озлоблен, понур (*the condition of being offended, esp. of feeling hurt, resentful, or angry; umbrage* [Collins dictionary: URL]; *the state of being insulted or morally outraged* [Merriam-Webster dictionary: URL]). Приведённые определения, относящиеся к концепту *offense*, не допускают включенности второго участника коммуникации, в то время как такая направленность является самой отличительной чертой жеста.

В соответствии с полученными результатами анализа представляется возможным утверждать наличие такой характеристики эмоции *offense*, как ориентация на вторую сторону, участвующую в коммуникативном процессе.

В проведённом исследовании выявлены ещё 3 жеста американского жестового языка, которые могут быть отнесены к вышеприведенной группе по критерию ориентации на второго участника коммуникации. Это жесты *pity, hate* и *duty*.

Такой способ жестовой концептуализации, как *ориентация на внешний объект* является менее распространённым. Подгруппа жестов, в основе которых лежит данный способ концептуализации, является самой малочисленной. Она представлена только одним жестом – *grudge*.

Жест *grudge* фокусируется на ориентации этого чувства на объект. Данный жест является мануальным: одноручный жест, рука из положения на расстоянии вытянутой руки подносится к лицу ладонью резким рывком, пальцы согнуты в фалангах. Они будто впиваются в лицо. Одновременно с этим движением мимика лица выражает недовольство: брови сдвигаются, нос морщится.

Словарные статьи акцентируют следующие основные признаки данного чувства: сильное чувство злости и неприязни к человеку, который плохо обращался с вами; чувство глубоко сидящей обиды или недоброжелательности (*a strong feeling of anger and dislike for a person who treated you badly* [Cambridge dictionary: URL]; *a feeling of deep-seated resentment or ill will* [Merriam-Webster dictionary: URL]). Данные признаки вербального знака имеют яркую отрицательную коннотацию. В жесте данная коннотация представлена его мимической составляющей. Кроме того, в словаре получает фиксацию человек, по отношению к которому испытывается недовольство, т.е. потенциальный участник коммуникации. В жесте, в свою очередь, недовольство концептуализируется как какой-то острый предмет, который бросается человеку в лицо, вызывая у него отрицательные чувства. При этом предполагается наличие источника (человек, вещь, событие), вызвавшего недовольство, ставшего причиной отрицательных эмоций человека.

Если все отрицательные чувства (*anger, dislike, resentment, ill will*) получают жестовую концептуализацию в виде согнутых пальцев рук, репрезентирующих что-то острое, то аспект причинения недовольства кем-то или чем-то извне не зафиксирован. Напротив, в вербальной дефиниции делается акцент на том, что данная эмоция направлена на другого человека (*for a person*).

Таким образом, жестовая концептуализация на основе ориентированности эмоции / чувства на субъект / объект включает в себя восемь жестов, из которых семь фиксируют ориентацию на объект (на второго участника коммуникации, предмет, событие) и один жест фиксирует ориентацию на субъект (на исполняющего жест).

В большинстве проанализированных жестов профилируются характеристики эмоций и чувств, отличные от эксплицированных вербально. Данный факт подтверждает правомерность рассмотрения жестового языка как особой системы закрепления знаний.

Немаловажную роль в исполнении жестов данной группы занимает мимика. Она чётко прослеживается в шести жестах из восьми, в которых наблюдается мимические изменения лица.

2.1.2.3. Концептуализация на основе физического проявления эмоции / чувства

Жесты такого способа концептуализации, как *концептуализация на основе физического проявления эмоции / чувства* основаны на физической репрезентации какого-либо действия. Жест также может изображать типичное положение, принимаемое телом при тех или иных эмоциях / чувствах. Физическое проявление эмоции является наименее встречающимся способом концептуализации в американском жестовом языке. В данную группу представляется оправданным отнести такие жесты, как *annoyance, love, boredom*.

Понимание представителями американской лингвокультурной общности концепта *annoyance* опирается на физическую репрезентацию повторяющихся действий, вызывающих у человека раздражение. Жест является двуручным: одна рука бьёт ребром ладони в место соединения большого и указательного пальцев другой руки, и это действие повторяется несколько раз. Исполнение жеста сопровождается характерным выражением лица: глаза поднимаются к небу, исполняющий с силой выдыхает.

Американские словари определяют чувство раздражения по-разному: как производное от злости или через однокоренные слова (*the feeling of being a little angry* [Cambridge dictionary: URL]; *the state or feeling of being annoyed* [Merriam-Webster dictionary: URL]). Раздражённый (*annoyed*), в свою очередь, снова трактуется как слегка злой из-за чего-то (*If you are annoyed, you are fairly angry about something* [Collins dictionary: URL]). Таким образом, раздражение тесно ассоциируется со злостью, определяемой как сильное чувство негодования и, как правило, борьбы, противопоставления (*a strong*

feeling of displeasure and usually of antagonism [Merriam-Webster dictionary: URL]). В свою очередь, жест фиксирует данную эмоцию иначе: повторяющиеся удары могут быть интерпретированы как противоборство, сопротивление, но это действие больше утомляет того, кто его на себе испытывает, чем злит.

Следовательно, выделение в анализируемом концепте *annoyance* новой концептуальной характеристики – утомление – становится возможным именно благодаря жестовой концептуализации чувства *annoyance*.

Концептуализация такого чувства, как любовь (*love*) в американской лингвокультуре основана на изображении объятий. Двуручный жест, кисти рук приводятся в А-конфигурацию, руки скрещиваются на груди. Жест также может сопровождаться поочерёдными покачиваниями плечей вперед-назад.

В словаре чувство любви определяется как сильная привязанность или глубокая преданность, которые могут применяться к различным отношениям или предметам (*implies intense fondness or deep devotion and may apply to various relationships or objects* [Collins dictionary: URL]). Жест берёт за основу имитацию объятий. В него закладывается наблюдение о том, что, когда мы любим кого-то, мы хотим обнять этого человека. Данный способ восприятия действительности делает анализируемый жест достаточно ясным в своей мотивированности. Данный жест можно также интерпретировать как ориентацию на второго участника коммуникации, которого любят и поэтому обнимают. В свою очередь, исполнение жеста у груди, может быть осмыслено как внутреннее переживание эмоции.

Данное исследование рассматривает в качестве ведущей характеристики чувства *love* именно физическую репрезентацию объятий, Тем не менее, другие интерпретации также имеют право на существование и, более того, трудно опровержимы. Данный факт позволяет рассматривать жестовую концептуализацию как способ сложного, интегративного феномена, который позволяет осмысливать мир и его множественные проявления относительно различных характеристик, выделяемых в сознании

человека в качестве основных.

В основе концептуализации чувства *boredom* лежит физическая репрезентация, предположительно, типичного для американца занятия, спровоцированного сильной скукой, – ковыряния в носу. Жест исполняется одной рукой, приведённой в конфигурацию цифры 1. Рука подносится к лицу, указательный палец прикасается к точке сбоку от носа, и рука совершает повороты вправо-влево, изображая процесс ковыряния.

Состояние скуки определяется в словаре как утомление и неусидчивость из-за отсутствия интереса (*the state of being weary and restless through lack of interest* [Merriam-Webster dictionary: URL]). В Кембриджском словаре концепт скучающий (*bored*) понятийно представлен относительно характеристик «усталый» и «невеселый», которые являются результатом отсутствия интереса или определенного занятия (*tired and unhappy because something is not interesting or because you are doing nothing* [Cambridge dictionary: URL]). Жест, в свою очередь, профилирует физическую сторону проявления чувства *boredom* и репрезентирует её жестом, который сложно двойственно интерпретировать.

Описанный способ жестовой концептуализации (концептуализация на основе физического проявления эмоции или чувства) не является ведущим в осмыслении эмоций и чувств и фиксации знаний о них. Из всего корпуса проанализированных примеров только три жеста репрезентируют данный способ концептуализации. Проведённый анализ позволяет указать на мимическое сопровождение, которое зафиксировано в двух жестах из трёх. Все три жеста исполняются таким образом, что представляется возможным констатировать выделение новых признаков эмоций, репрезентируемых данными жестами.

2.1.3. Категория «Эмоции и чувства» в русском жестовом языке

Д.С. Лихачёв, описывая различные аспекты русской культуры,

замечает, что «по особенностям русского исторического прошлого мы, русские люди, часто предпочитаем эмоциональные концепты логическим определениям» [Лихачёв, 2000: 108]. По мнению И.А. Стернина и М.А. Стерниной, русские демонстрируют более эмоциональное коммуникативное поведение по сравнению с американцами. Основное отличие заключается в искренности, стремлении поговорить по душам, обсудить личные переживания. Негативных эмоций по отношению к коммуникативному партнёру русский человек, скорее всего, не будет скрывать – он менее толерантен, чем американец [Стернин, Стернина, 2001].

В жестовой концептуализации эмоций и чувств русского жестового языка, как и в американском жестовом языке, выделяются три способа формирования знаний:

1. Концептуализация на основе внутреннего переживания эмоций и чувств (30 жестов);
2. Концептуализация на основе ориентированности эмоции / чувства на субъект / объект (8 жестов);
3. Концептуализация на основе физического проявления эмоции / чувства (2 жеста).

Количественный анализ показал, что представленные способы концептуализации эмоций и чувств в русском жестовом языке и их сущность совпадают с американским жестовым языком: концептуализация на основе внутреннего переживания эмоций и чувств фокусируется на душевных волнениях, внутренних эмоциональных процессах; концептуализация на основе ориентированности эмоции / чувства на объект / субъект указывает на направленность чувства от объекта или на объект; концептуализация на основе физического проявления эмоции / чувства опирается на изображение привычного действия или типичного положения (позы), принимаемого человеком, когда он испытывает определённую эмоцию / чувство. В русском жестовом языке также наблюдается практически одинаковое с американским жестовым языком количественное распределение жестов по указанным

способам концептуализации. Это во многом обусловлено универсальностью восприятия эмоций и чувств как особой группы концептов.

При этом необходимо отметить, что набор жестов, материализующих данные способы концептуализации в американском и русском жестовых языках, различается. Это объясняется, в первую очередь, культурными отличиями мировосприятия.

Более того, определенные различия также отмечаются в характере проявления данных способов жестовой концептуализации в рассматриваемых жестовых языках. Так, включение мимики в процесс концептуализации эмоций и чувств на основе их внешнего проявления не служит важным элементом концептуализации эмоций и чувств в русском жестовом языке. Анализ жестов русского жестового языка показал, что представители русской лингвокультуры задействуют мимику в 14 жестах из анализируемых 40, в то время как в американском жестовом языке мимическая составляющая наблюдается в 26 жестах из 40. Это свидетельствует о менее экспрессивном характере русской культуры. Таким образом, выделение отдельной подгруппы жестов, концептуализирующих эмоции и чувства преимущественно посредством мимики, не представляется возможным для русского жестового языка.

Ещё одним отличием жестовой концептуализацией эмоций и чувств в русском жестовом языке от американского является способ концептуализации на основе физического проявления эмоции / чувства с помощью не только представления физического действия руками, но и типичного положения (позы) тела, принимаемого человеком. В американском жестовом языке одним из жестов, репрезентирующих данный способ концептуализации, выступает жест *boredom*, изображающий типичное занятие скучающего человека. Данный жест репрезентирует одно из занятий скучающего человека (ковыряние в носу). В свою очередь, русский жест *скука* в качестве основной концептуальной характеристики данного концепта выделяет положение тела (подпираание головы рукой).

Таким образом, несмотря на то, что оба жеста входят в группу физического проявления эмоции, они по-разному фиксируют данный концепт.

Выявление признака, мотивирующего жест, также может рассматриваться как одно из различий. Проанализированный объем жестов показал, что в русском жестовом языке выявляются эмоции и чувства (счастье, благодарность, вина), декодирование способа жестовой концептуализации которых на данном этапе исследования представляет определённую сложность. В свою очередь, определение мотивированности жестов американского жестового языка не вызывает подобных трудностей.

2.1.3.1. Концептуализация на основе внутреннего переживания эмоций и чувств

Как и в американском жестовом языке концептуализация на основе внутреннего переживания эмоций и чувств является доминирующим способом восприятия и осмысления концептов данной категории. Он основан на понимании эмоции / чувства как внутреннего состояния души.

Например, концепт «злость» в русском жестовом языке репрезентирован как ощущение, которое человек испытывает глубоко внутри. Жест, фиксирующий данное чувство, является одноручным. Он исполняется по центру груди, у сердца. Кисть требуется привести в А-конфигурацию, при этом ладонь смотрит на грудь, рукой производятся несколько круговых движений параллельно груди. Глубина восприятия данного чувства прослеживается в исполнении жеста у груди, которая традиционно ассоциируется с сосредоточением души человека.

В Словаре Ожегова злость имеет два значения: злость характеризуется как чувство отрицательное, основанное на раздражении, чувстве вражды, и положительное, мотивирующее, побуждающее к действию, играющее роль толчка, импульса (злое, раздражённо-враждебное чувство, настроение; стремление действовать активно, бороться, боевое настроение

[Словарь Ожегова: URL]). В отличие от вербальной лексической единицы жест *злость* не манифестирует эксплицитно ни одну из концептуальных характеристик, которые лежат в основе вербальной репрезентации данного чувства. Соответственно, по манере исполнения жеста возможно предположить выделение новой концептуальной черты чувства злости, которое в своей жестовой репрезентации опирается на обобщение большинства признаков злости и их интеграцию в одно внутреннее выражение. Исполнение может быть интерпретировано как поступательные движения, шевеления душевных структур, беспокоящих человека изнутри. Следовательно, мотивировка жеста заключается не в понимании чувства злости как чувства противопоставления сторон, их борьбы, а как чувства раздражения, внутреннего беспокойства, очаг которого находится внутри, в сердце человека.

Таким образом, чувство злости в русском жестовом языке репрезентировано как внутренний процесс. Следовательно, способ концептуализации данного чувства совпадает со способом его концептуализации в американской лингвокультуре. Тем не менее, жесты двух языков по-разному фиксируют анализируемый концепт. Для представителей американской лингвокультуры злость – чувство, разрывающее изнутри, для русских – чувство, спрятанное глубоко внутри, беспокоящее, терзающее, вызывающее негодование.

Концептуализация чувства страха в русском жестовом языке основывается на репрезентации внутреннего обездвигивания. В отличие от своего американского эквивалента жест *страх* изображается одной рукой, ладонь смотрит на грудь в С-конфигурации параллельно полу. В таком положении кончики пальцев соприкасаются с грудью и рисуют снизу вверх подобие стержня. Изображение такого «стержня» может быть интерпретировано как некая сила, которая не позволяет человеку согнуться или совершить какое-либо движение, т.е. вводит в состояние остолбенения.

В Словаре Ожегова чувство страха объяснено через понятия испуга и

боязни (очень сильный испуг, сильная боязнь [Словарь Ожегова: URL]). В свою очередь, определения испуга и боязни подчёркивают характеристику внезапности и чувство беспокойства (внезапное чувство страха, состояние испугавшегося; беспокойство, страх перед кем-нибудь, чем-нибудь [Словарь Ожегова: URL]). В отличие от существительного «страх» жест не передаёт интенсивности проявления данного чувства (очень сильный испуг, сильная боязнь) и не фокусируется на выделении одной характеристики (внезапное чувство страха, беспокойство). Жест фиксирует другую характеристику концепта «страх» – чувство заторможенности, скованности, которое физически и эмоционально сковывает человека.

Следовательно, в основе концептуализации страха в русском жестовом языке лежит внутреннее состояние человека, которое для него характерно в такой момент. Несмотря на различное исполнение жестов *fear* и *страх*, они фиксируют схожее состояние человека (оцепенение, ошеломление, ступор, скованность). Данный факт не означает, что анализируемый концепт понимается двумя культурами одинаково, и, как следствие, не имеет каких-либо межкультурных различий. Представителями русскоязычной лингвокультурной общности страх изображается в форме стержня. В свою очередь, представители американской лингвокультурной общности ассоциируют страх с тисками. Отличие образов свидетельствует о том, что в русской культуре страх понимается как резкая остановка, замирание всех внутренних эмоциональных процессов. В американской культуре страх осмыслен как внутреннее сжатие, желание человека укрыться, спрятаться.

В русской культуре в качестве ведущего вектора жестовой концептуализации удивления выделяется характеристика неожиданности. Исполнение жеста *удивление* базируется на дактиле. Жест воспроизводится в пространстве перед собой, является двуручным и симметричным, ладони принимают конфигурацию У и в таком положении совершают резкий поворот на 180 градусов. О природе самого чувства говорит характер исполнения жеста: резкий, короткий, быстрый.

Эмоция удивления зафиксирована в Словаре Ожегова как ощущение человека, которое он испытывает после того, как увидел или узнал что-то удивительное, что-то, о чём он даже не предполагал (впечатление от чего-нибудь неожиданного и странного, непонятного [Словарь Ожегова: URL]). Сравнение словарной дефиниции и характера исполнения жеста позволяет констатировать совпадение вербальной и жестовой концептуализации. Это подтверждается фокусированием на аспекте внезапности и неожиданности как наиболее значащих концептуальных характеристиках. Конфигурация жеста *удивление*, в первую очередь, мотивирована первой буквой слова «удивление». Соответственно, на внутреннее проявление эмоции может указывать только совершаемое движение. Оно, предположительно, отражает внезапное изменение эмоционального состояния, резкий и неожиданный переход человека из состояния покоя в состояние удивления. Такое изменение не закреплено в словарных определениях и, соответственно, профилируется только в рамках жестовой концептуализации.

Проведённый анализ позволяет указать на большую значимость компонента «движение» для жестовой концептуализации концепта «удивление». Именно движение позволяет раскрыть закодированный в жесте смысл и фиксировать новый элемент знания. В этой связи представляется важным отметить, что американский жест *amazement* имеет в качестве доминирующей составляющей мимику, которая не получает вербального закрепления в словарных дефинициях. Таким образом, русский и американский жесты репрезентируют внутреннее состояние человека, при этом профилируют разные компоненты жеста (*удивление* – на движении, *amazement* – на мимике).

Таким образом, способ концептуализации на основе внутреннего проявления эмоциональных переживаний в русском жестовом языке является ведущим для целого ряда жестов. Кроме проанализированных выше, это ещё 27 жестов: *удовольствие, недовольство, раздражение, спокойствие,*

возбуждение, счастье, ненависть, любовь, грусть, жалость, радость, благодарность, гнев, гордость, угрызения совести, стыд, страдания, тревога, боль, влюблённость, смешной, усталый, недоумение, смущение, восхищение, безразличие.

В 10 случаях из 30 жесты данной группы сопровождаются мимикой. В свою очередь, в американском жестовом языке мимическое сопровождение в жестах идентичной группы фиксируется в 18 жестах из 29. Этот факт позволяет характеризовать американскую культуру как более эмоциональную, экспрессивную, чем русскую.

Обращение к выделению дополнительных компонентов знания даёт возможность утверждать, что 21 жест русского жестового языка из 30 жестов, формирующих данную группу, фиксирует новые или находящиеся на периферии вербальной концептуализации характеристики репрезентируемых концептов. Выявленное количество практически эквивалентно количеству жестов американского жестового языка данной группы (22 жеста из 29), в которых также наблюдается фиксация новых черт анализируемых эмоций.

2.1.3.2. Концептуализация на основе ориентированности эмоции / чувства на субъект / объект

В русском жестовом языке способ жестовой концептуализации, основанный на ориентированности эмоции / чувства на субъект / объект, занимает вторую позицию по частоте встречаемости. К жестам, в основе которых лежит данный способ концептуализации, относятся, например, жесты *зависть, надежда* и *обида*.

Чувство зависти в русском жестовом языке основано на изображении желания присвоения. Двуручный симметричный жест воспроизводится перед собой, руки приводятся в конфигурацию цифры 1, кончики пальцев смотрят вперёд, на возможного собеседника и совершают движение, заключающееся в сгибании указательных пальцев. Движение повторяется несколько раз.

Обращение к словарной статье позволяет определить, что концепт «зависть» ассоциируется с такими эмоциями, как досада и раздражение. Он сопровождается чувством желания заполучить то, чем владеет другой человек (чувство досады, раздражения, вызванное удачей, успехом, благополучием другого, сопровождаемое желанием обладать тем, что есть у другого [Словарь Ожегова: URL]). Словарные дефиниции чувств досады и раздражения используют практически одинаковые вербальные единицы. Наиболее встречающейся лексемой является «неудовольствие» (чувство неудовольствия, раздражения, огорчения, вызванное неудачей, обидой и т.п.; вызванное чем-нибудь состояние досады, недовольства [Словарь Ожегова: URL]). Соответственно, зависть – это неудовольствие, причиной которого служит желание обладать чем-либо, что есть у другого человека.

В свою очередь, жест *зависть* получает совершенно другую интерпретацию. Его исполнение позволяет выявить такую ведущую характеристику данного концепта, как стремление заполучить что-то, что принадлежит потенциальному коммуникативному партнёру. Если рассмотреть жест, разделив его на два этапа, то первый этап заключается в одновременном указании руками в конфигурации цифры 1 пальцами вперёд. Это может быть интерпретировано как указание на объект, которым человек хочет обладать, или указание на второго участника коммуникации, чьей собственностью желает завладеть исполняющий. Второй этап жеста состоит в сгибании указательных пальцев. Данное движение концептуализирует стремление человека присвоить себе предмет, принадлежащий другому.

В данном случае наблюдается частичная конгруэнтность вербальной и жестовой концептуализации — на второго участника указывают как жест, так и словарное определение концепта. Тем не менее, жест более фокусируется на ориентации данного чувства на второго участника коммуникации. Такая ориентация выступает в роли ведущего признака.

Таким образом, концептуализация чувства *зависть* в русском жестовом

языке основана на ориентации этого чувства на собеседника, т.е. второй участник коммуникативного процесса мыслится как обязательный компонент проявления данного чувства. В свою очередь, носители американского жестового языка концептуализируют *envy* на основе внутреннего проявления чувства, что позволяет говорить о различной фиксации и, как следствие, различном восприятии данного чувства в двух лингвокультурах.

Исполнение жеста, репрезентирующего чувство *надежды*, также предполагает осмысление данного чувства относительно второго участника коммуникации или предмета, с которым связана надежда. Для воспроизведения данного жеста требуется исполнять его в пространстве перед собой. Жест является двуручным, но несимметричным. Правая рука вводится в конфигурацию цифры 1, левая – в конфигурацию В, при этом ладонь расположена горизонтально и смотрит на исполняющего. Движение заключается в быстром проведении указательным пальцем правой руки по раскрытой ладони левой руки. В исполнении жеста, предположительно, правая рука выступает в роли чувства веры, которое есть у человека, левая рука репрезентирует второго участника коммуникации или предмет, на который надеются. Производимое движение концептуализирует направленность надежды на человека или предмет.

Словарная статья фокусируется на двух ведущих определениях надежды: абстрактном, под которым понимается вера в лучший исход событий, и конкретном, которое подразумевает человека или предмет, который может привести к благоприятному разрешению ситуации (вера в возможность осуществления чего-нибудь радостного, благоприятного; тот (или то), на кого (что) надеются, кто должен (что должно) принести успех, радость, благополучие [Словарь Ожегова: URL]). Жест, таким образом, отображает менее абстрактное, предметное понимание чувства надежды носителями русского жестового языка.

Концепт «надежда» имеет два жестовых воплощения. Вторым вариантом исполнения жеста сложно интерпретировать. Предположительно, он

фиксирует абстрактный аспект данного чувства, и, тем самым, может быть отнесён в группу жестовой концептуализации, фиксирующей внутреннее переживание эмоции или чувства. Двуручный жест заключается в попеременном выбрасывании кистей рук в следующей конфигурации: руки находятся на уровне лица, тыльной стороной к лицу, большой, указательный и средний пальцы выставлены, остальные согнуты. Соответственно, пока правая рука в описанной конфигурации находится перед исполняющим, левая рука опущена, конфигурация сложена в соответствующую букве Ч (большой палец одновременно соединяется с указательным и средним); затем руки меняются, движение повторяется несколько раз.

Данный вариант исполнения жеста представляется как производный от жеста *счастье*, исполнение которого строится на такой же конфигурации, но с другим совершаемым движением. Такое исполнение жеста в русской лингвокультуре может быть интерпретировано как чувство неуверенного счастья – непостоянные, нестабильные проблески, вспышки яркого положительного чувства, близкого к счастью.

Два разных способа репрезентации данного чувства на русском жестовом языке указывают на факт возможности фиксации жестовым языком различных (множественных) характеристик концептов в русской культуре. Американский жест *hope* основан только на внутреннем проявлении эмоции. В этом заключается отличное от русского осмысление данного чувства.

Исполнение жеста *обида* опирается на понимание чувства обиды как причинённого кем-то или направленного на возможного обидчика. Данный жест исполняется в два этапа. Первый этап одноручный, рука вводится в конфигурацию цифры 1, рука подносится к лицу, и указательный палец касается щеки. Вторым этапом задействуют две руки. Рука, участвовавшая в первом этапе, опускается в пространство перед собой, во время этого вторая рука также выносится вперёд в конфигурации В ладонью вверх. Заключительная позиция рук должна выглядеть следующим образом: одна рука в конфигурации цифры 1 лежит на ладони другой руки, при этом кончик

указательного пальца смотрит вперёд на предполагаемого второго участника коммуникативного процесса.

В словарной статье концепт «обида» получает иную экспликацию. Данный концепт репрезентирован с помощью таких существительных, как огорчение, оскорбление. При этом подчёркивается, что эти чувства причинены незаслуженно (несправедливо причиненное огорчение, оскорбление, а также вызванное этим чувство [Словарь Ожегова: URL]). Огорчение определяется как отрицательная эмоция, довольно глубоко ранящая человека (неприятность, душевная боль [Словарь Ожегова: URL]). Словарная дефиниция концепта «оскорбление» фокусируется на поступках и словах, способных оскорбить (оскорбляющий поступок, оскорбляющие слова [Словарь Ожегова: URL]).

Жест *обида* может быть объяснён в ходе интерпретации его этапов. Первый этап исполнения символизирует боль, нанесённую человеку (указательный палец касается щеки). Второй этап (указательный палец смотрит вперёд) делает отсылку к тому, кто нанёс боль, или что стало причиной нанесённой боли, и на кого теперь обижен человек. В свою очередь, вербальные дефиниции не закрепляют аспект адресованности данного чувства, что служит главным отличием между жестовой и вербальной концептуализацией. Такая характеристика, как направленность на субъект / объект также выступает характеристикой, которая не закреплена в вербальных словарных статьях чувства «обиды» и профилируется только жестом, который репрезентирует данный концепт.

Следовательно, в основе жеста, репрезентирующего *обиду* в русском жестовом языке, лежит концептуализация по принципу проявления ориентации эмоции. Исполнение жеста также позволяет зафиксировать тот факт, что восприятие концепта «обида» носителями русской культуры включает такую концептуальную характеристику, как присутствие обидчика. Американский эквивалент *offense* также концептуализирует чувство обиды на основе проявления ориентации чувства. Данный факт может указывать на

наличие возможных совпадений в концептуализации эмоций и чувств, но не доказывает их системности.

Способ жестовой концептуализации на основе проявления ориентации эмоции или чувства от объекта на второго участника коммуникации или предмет характерен для ещё 4 жестов: отвращение, доверие, долг, вина.

В подгруппу жестов, основанных на ориентации эмоции / чувства на объект извне, относится только один русский жест из 40 – *шок*. Манера исполнения данного жеста позволяет концептуализировать шок как что-то, настигающее человека извне, накрывающее его как волной, мощным потоком. Жест задействует одну руку, которая не вводится ни в какую определённую конфигурацию. Рука вытягивается во всю длину не перед собой, а в сторону. Далее она резко сгибается в локте, при этом кисть не напряжена, направлена на лицо человека. При совершении маха человек отодвигает голову от приближающейся к нему руки, и его мимика выражает сильное удивление, как если бы его что-то поразило, шокировало (широко открытые глаза, приподнятые брови, слегка приоткрытый рот).

Словарные статьи рассматривают шок по-разному. Одно из определений указывает на медицинское восприятие состояния шока (тяжёлоерасстройство функций организма вследствие физического повреждения или психического потрясения [Словарь Ожегова: URL]), другое выделяет в качестве ведущих характеристик растерянность и подавленность (состояние крайней растерянности или подавленности [Большой толковый словарь: URL]). В свою очередь, растерянным человек становится из-за сильного потрясения, подавленным – когда что-либо его угнетает или омрачает его существование (беспомощный, не знающий, как поступить от волнения, сильного потрясения и т.п.; угнетённый, мрачный [Большой толковый словарь: URL]). Лексической единицей, наиболее ёмко описывающей чувство шока, является существительное «потрясение». Согласно вербальным формулировкам, потрясение сопровождается угнетённостью, растерянностью, беспомощностью, волнением. Наиболее

яркой чертой жеста является движение, символизирующее силу, мощь чувства, которое настигает человека и действует на него всеобъемлющим образом.

Следовательно, чувство шока в русском жестовом языке концептуализируется по способу проявления ориентации на объект извне. Ведущим признаком является осмысление шока как силы, направленной на человека и охватывающей его целиком. Такая характеристика не получает вербальной фиксации в словарных статьях. Американский жестовый язык изображает шок как внутреннее ментальное состояние потрясения. Данный жест входит в группу жестовой концептуализации на основе внутреннего проявления эмоциональных переживаний.

Таким образом, способ жестовой концептуализации на основе проявления ориентации эмоции или чувства в русском жестовом языке охватывает восемь жестов. Среди данных жестов только два жеста обладают мимическим сопровождением. В американском жестовом языке из восьми жестов такой же группы шесть исполняются с мимическим сопровождением. Это ещё раз подтверждает более экспрессивное коммуникативное поведение представителей американской культуры.

Кроме того, интерпретативный анализ жестов позволяет указывать на их потенциал профилирования новых характеристик эмоций в четырёх случаях из восьми. Это даёт основание утверждать, что жестовая концептуализация автономна по своей природе.

2.1.3.3. Концептуализация на основе физического проявления эмоции / чувства

Способ жестовой концептуализации на основе физической фиксации находится на периферии частоты встречаемости в русском жестовом языке. Под физическим проявлением эмоции или чувства понимается изображение механического действия или взаимодействия, а также придание телу

положения (позы), типичной при той или иной эмоции.

К способу жестовой концептуализации на основе физического проявления эмоции / чувства относятся два жеста – *доброта* и *скука*.

Концептуализация чувства доброты базируется на профилировании характеристики мягкости, нежности. Жест заключается в поглаживании рук самому себе. Для исполнения жеста следует расположить руки перед собой. Кисти не напряжены, расслаблены. Сначала одна рука проводит по поверхности тыльной стороны другой руки, затем наоборот.

Вербальная фиксация в словаре указывает на такие концептуальные характеристики данного чувства, как готовность помочь, желание совершать добрые поступки для других, природные благосклонность и симпатия по отношению к людям (отзывчивость, душевное расположение к людям, стремление делать добро другим [Словарь Ожегова: URL]). Жест *доброта* обращает внимание на мягкость и нежность данной эмоции и выражает её за счёт физического воспроизведения поглаживаний. Именно так человек обычно гладит то, что сделано из нежного материала, приятно на ощупь (например, ткань из шёлка, или таким движением можно гладить животных, обладающих приятным для тактильных ощущений волосяным покровом). Тем не менее, поглаживания обозначают не только желание человека прикоснуться к чему-то приятному на ощупь. Они также символизируют добрый, благосклонный настрой человека. Например, человек гладит другого по спине / плечу / руке, утешая, успокаивая (Я глажу, потому что я добрый, потому что хочу помочь).

Таким образом, жест *доброта* раскрывается через физическое действие поглаживания, которое ассоциируется с характеристиками нежности и мягкости. Кроме того, интерпретация исполнения жеста позволяет выявить такие дополнительные свойства доброты, как желание утешить, успокоить.

При сравнении исполнения русского жеста *доброта* и американского *kindness* представляется возможным указать на различное понимание данного концепта в двух культурах (американский жест основан на репрезентации

внутреннего проявления эмоции).

Жест *скука* репрезентирует свойственное русским положение, в котором они сидят, когда им скучно. Исполнение заключается в изображении позы, в которой человек подпирает кулаком голову. Для воспроизведения данного жеста требуется наклонить голову и опереть её щекой на кулак одной руки, при этом кисть другой руки служит опорой для локтя первой, как если бы человек сидел за столом.

Словарная дефиниция существительного, вербализующего концепт «скука», основана на осмыслении чувства скуки как томления в виду отсутствия интереса или занятия (томление от отсутствия дела или интереса к окружающему [Словарь Ожегова: URL]). В свою очередь, существительное «томление» и глагол «томиться» обозначают продолжительные мучения, доставляющие физический дискомфорт и утомляющие (испытывать длительные, изнуряющие физические или нравственные мучения, страдания [Большой толковый словарь: URL]). Характер исполнения жеста позволяет интерпретировать его как скуку, которую испытывает ученик, сидя за партой: учитель рассказывает сложные неинтересные вещи, голова тяжелеет, глаза слипаются, поэтому приходится подпирать её рукой. Следовательно, *скука* концептуализируется отличным от вербальной концептуализации образом.

Представленный анализ даёт возможность относить жест *скука* к способу жестовой концептуализации на основе физического проявления эмоции или чувства. В русском жестовом языке данный жест основывается на типичном положении человека, когда ему скучно, неинтересно или нечем заняться. Американский жест *boredom* также фокусируется на физическом проявлении данного чувства, изображая типичное занятие, к которому обращаются американцы, когда им скучно.

Таким образом, способ жестовой концептуализации на основе физического проявления эмоции / чувства в русском жестовом языке включает два жеста, оба из которых сопровождаются мимикой. Жест

доброта берёт за основу репрезентацию физического действия – поглаживания. Жестовая репрезентация данного чувства сопровождается мимикой: брови поднимают в положении «домиком». Жест *скука* изображает типичное для представителя русской лингвокультурной общности положение – подпираание головы рукой. В данном жесте также присутствует мимика: рот растягивается в прямой линии, уголки губ зажимаются. Кроме этого, исполнение обоих жестов позволяет указать на новые характеристики данных эмоций, которые не получают своей вербальной фиксации в словарных дефинициях.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2

1. Жестовый язык представляет собой сложную полноценную систему фиксации концептов – систему жестовой концептуализации.

2. Жестовая концептуализация многоаспектна, неоднозначна. Она не копирует вербальную концептуализацию, а обладает своей собственной спецификой.

3. Анализ 80 жестов американского и русского жестового языков, репрезентирующих категорию «Эмоции и чувства», позволил выявить три главных способа жестовой концептуализации данных категорий:

- концептуализация на основе внутреннего переживания эмоций и чувств;
- концептуализация на основе ориентированности эмоции / чувства на субъект / объект;
- концептуализация на основе физического проявления эмоции / чувства.

4. Концептуализация на основе внутреннего проявления эмоциональных переживаний Характерна для жестов, которые своим исполнением изображают внутреннее эмоциональное состояние человека, определённый душевный настрой, сердечные волнения. Данный способ жестовой концептуализации присущ 29 жестам американского жестового языка и 30 жестам русского жестового языка (всего 59 жестов). Для концептуализации эмоций и чувств он является ведущим, т.к. 74 % жестов от общего количества анализируемых жестов репрезентируют эмоции и чувства с акцентом на их внутреннем переживании человеком.

5. Концептуализация на основе ориентированности эмоции или чувства предполагает указание на одного из участников коммуникации: на субъект или объект. Это могут быть второй участник коммуникации, предполагаемая причина чувства / эмоции (предмет, событие), а также субъект (исполняющий), который испытывает эмоцию или чувство как

ориентированные на него извне (от возможных коммуникативного партнёра, события, предмета). 20 % жестов (всего 16 жестов) от общего количества демонстрируют характеристики данного способа жестовой концептуализации. Их исполнение фиксирует эмоцию с указанием на реципиента эмоции или чувства, который может быть как вторым участником коммуникативного процесса, так и объектом и самим субъектом.

6. Концептуализация на основе физического проявления эмоции или чувства характеризуется репрезентацией физического действия или взаимодействия, а также изображением типичного для определённой культуры занятия под действием тех или иных эмоций / чувств. Такая жестовая концептуализация эмоций / чувств является наименее частотной (3 американских и 2 русских жеста).

7. К трём вышеописанным способам жестовой концептуализации относится различный набор американских и русских жестов. Несовпадение фиксируется в 7 жестовых парах, репрезентирующих одно и то же чувство / эмоцию. Это свидетельствует об определённой культурной специфике жестовой концептуализации эмоций и чувств.

8. Важным компонентом жестовой концептуализации является мимика, или внешнее проявление эмоции. Тем не менее, она не носит обязательный характер для исполнения жеста. Её включение в жест зависит от множества факторов: от ситуации воспроизведения жеста до темперамента того, кто исполняет жест. Более всего мимическое сопровождение жеста характерно для американской лингвокультуры. Представители данной лингвокультурной общности прибегают в той или иной мере к мимике в исполнении 26 жестов, в свою очередь, представители русской лингвокультурной общности – в 14 жестах. Это характеризует американскую культуру как более эмоциональную по сравнению с русской. Анализ также показал, что среди жестов американского жестового языка выделяются те, в которых внешнее проявление эмоции / чувства становится ведущим элементом (шесть жестов). В русском жестовом языке подобной тенденции к

интегрированию эмоции / чувства в жест не наблюдается, но внешнее проявление эмоции / чувства также может быть показано носителем русского жестового языка.

9. Жестовая концептуализация позволяет фиксировать концептуальные характеристики, которые присущи воспринимаемым эмоциям и чувствам, но не выделяются в качестве понятийных, базовых в рамках вербальной (лексической) концептуализации. Около 30 жестов американского и русского жестовых языков концептуализируют эмоции иначе, отлично от словарных определений. Это свидетельствует о независимом, автономном характере жестовой концептуализации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Магистерская диссертация посвящена описанию специфики жестового языка как полноценного семиотического кода, служащего основой коммуникации слабослышащих людей, и как особой системы концептуализации.

Жестовый язык, ничем не уступающий языку вербальному в полноте и сложности своей внутренней организации, опирается на визуально-мануальную модальность, которая, в свою очередь, является одним из компонентов вербальной коммуникации и обеспечивает её полимодальность. Жестовый язык отличается сравнительно слабая документированность, вследствие чего он долгое время находился на периферии лингвистического интереса. Благодаря таким учёным, как В. Стоуки в США в 1960-х и Г.Л. Зайцева в России в 2000-х г.г. проблематика американского и русского жестовых языков получила существенное освещение в кругах учёных-лингвистов. На сегодняшний момент американский жестовый язык уже более 50 лет находится под пристальным вниманием языковедов и является самым описанным жестовым языком мира, в то время как русский жестовый язык только набирает популярность в качестве объекта лингвистического изучения. Это обуславливает актуальность лингвистических исследований по жестовому языку, в частности, по русскому жестовому языку. В свою очередь, концептуальный аспект изучения жестового языка до сих пор рассматривается как менее разработанный.

Одним из ключевых исследований по жестовым языкам является работа У. Зешан, в которой было предложено рассматривать организацию жестового языка в соответствии с языком вербальным. Соответственно, в жестовом языке выделяются четыре уровня: фонемный, лексический, морфологический и синтаксический. Фонемный уровень представлен

дактильной азбукой и компонентами жеста, лексический позволяет распределять жесты по классам, морфологический описывает различные способы жестообразования, синтаксический охватывает конструкции и строй предложения на жестовых языках.

Всё вышесказанное делает весомый вклад в понимание жестового языка как особой знаковой системы, функционирование которой обеспечено на всех уровнях языка, и семиотические процессы которой отличаются от процессов, происходящих в вербальных языках. Это позволяет говорить о жестовом языке как об особой системе фиксации концептов, существующих в картине мире носителя языка, что подтверждается данным исследованием.

Анализ 80 жестов американского и русского жестовых языков приводит к выявлению трёх основных способов жестовой концептуализации: (1) концептуализация на основе внутреннего переживания эмоций и чувств (74 % жестов), (2) концептуализация на основе ориентированности эмоции / чувства на субъект / объект (20 % жестов), (3) концептуализация на основе физического проявления эмоции / чувства (6 % жестов). Тот факт, что преобладающим способом концептуализации становится фиксация внутреннего проявления чувства, подтверждает, что жестовая концептуализация (подобно вербальной) фиксирует данную характеристику в качестве основной для рассматриваемой категории и, тем самым, акцентирует ее сущность.

Жесты обоих языков могут быть распределены по трём вышеописанным способам концептуализации. Тем не менее, набор американских и русских жестов, конституирующих одну группу, различается. 35 % жестов (7 языковых пар, репрезентирующих одну эмоцию или чувство в американском и русском жестовых языках) от общего количества проанализированных жестов относятся к разным способам жестовой концептуализации. Так, жест *love* основан на физической репрезентации объятий, в свою очередь жест *любовь* отражает внутреннее переживание данного чувства. Это иллюстрирует зависимость процесса

концептуализации от особенностей восприятия мира представителями разных культур.

В противовес многим исследованиям, характеризующим русскую культуру как более эмоциональную, чем американскую, данные настоящего исследования указывают на то, что представители американской лингвокультуры практически в два раза чаще представителей русской лингвокультуры сопровождают исполнение жестов мимикой. За исключением небольшой группы жестов американского жестового языка, для которой мимическая концептуализация выступает ведущим и, следовательно, обязательным компонентом, роль внешнего мимического проявления эмоции в исполнении как американского, так и русского жеста можно описать как факультативную. Тем не менее, в концептуализации эмоций и чувств представителями американской лингвокультуры мимическая составляющая занимает более значительное место, чем в концептуализации данной категории представителями русской лингвокультуры. Это объясняется двумя фактами: более частым обращением к мимике во время воспроизведения жестов и наличием отдельной подгруппы американских жестов, в которых внешнее проявление эмоции за счёт мимики является наиболее ярким компонентом жеста.

Было выявлено, что жестовой концептуализации свойственна опора на характеристики эмоций и чувств, находящиеся на периферии вербальной понятийной концептуализации. Об этом свидетельствует 75% жестов от общего числа проанализированных в работе. Интерпретация исполнения данных жестов может существенно отличаться от ядра словарных дефиниций.

Изучение жестового языка как системы концептуализации также возможно на материале жестов других категорий (например, категорий ценностей, качеств, взаимоотношений, профессий, культуры, образования и др.). Увеличение количества жестовых единиц, выступающих в качестве эмпирического материала исследования, также позволит сделать более

основательные выводы о природе жестового языка. Более того, исследование может быть продолжено с привлечением бóльшего спектра жестовых языков. Это представляет перспективы проведённого исследования и позволит значительно дополнить исследования как по жестовой, так и вербальной концептуализации, рассмотреть специфику процесса жестовой коммуникации (в том числе межкультурной) и значительно расширить изучение жестовых языков различных лингвокультур в когнитивном, прагматическом, социолингвистическом аспектах.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Басова А.Г., Егоров С.Ф. История сурдопедагогики. М.: Просвещение, 1984. 295 с.
2. Болдырев Н. Н. О метаязыке когнитивной лингвистики: концепт как единица знания // Когнитивные исследования языка. 2011. № 9. С. 23–32.
3. Болдырев Н.Н. Когнитивные схемы языковой интерпретации // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 4. С.10–20.
4. Большой толковый словарь [Электронный ресурс] // Гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. URL: <http://gramota.ru/slovari/info/bts/> (дата обращения 10.06.2019).
5. Боскис Р.М. Некоторые принципы диагностики аномального развития ребенка с частичным поражением анализатора (к теории вопроса) // Изучение и обучение детей с недостатками слуха: труды института дефектологии / под ред. Р.М. Боскис. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1961. С. 3–16.
6. Василик М.А. Основы теории коммуникации. М.: Гардарики, 2003. 616 с.
7. Воскресенский А.Л. Жестовая речь – язык или знаковая система? [Электронный ресурс] // Доклады международной конференции «Диалог», 2004. URL: <http://www.dialog-21.ru/media/2587/voskresenskiy.pdf> (дата обращения 17.12.2017).
8. Гейльман И.Ф. Дактилология. Ленинград: Ленинградский восстановительный центр ВОГ, 1981. 87 с.
9. Геранкина А.Г. Практикум по дактильной речи. Пособие для преподавателей дефектолог.фак-товпед. ин-тов. М.: «Просвещение», 1972. 64 с.
10. Давиденко Т.П., Комарова А.А. Краткий очерк по лингвистике РЖЯ // Современные аспекты жестового языка / под ред. А.А. Комаровой. Москва: ВОГ. 2006. С. 146–161.

11. Димскис Л.С. Билингвистический подход: необходимость и реальность // Дэфекталоґія. 1996. Вып. 5. С. 32–38.
12. Зайцева Г.Л. Жестовая речь. Дактилология. Москва: ВЛАДОС, 2000. 192 с.
13. Звегинцев В.А. Мысли о лингвистике. М., 1996. 336 с.
14. Зыков С.А. Методика обучения глухих детей языку. М.: Просвещение, 1977. 200 с.
15. Ильин Е.П. Эмоции и чувства. СПб: Питер, 2001. 752 с
16. Ирисханова О.К. К вопросу о коммуникативном мышлении: полимодальное измерение аспектуальности // Когнитивные исследования языка. 2017. № 30. С. 57–60.
17. Ирисханова О.К. // Полимодальность. Глоссарий. [Электронный ресурс]. URL: <http://scodis.ru/студентам/глоссарий/полимодальность/> (дата обращения: 18.05.2018).
18. Кашкин В.Б. Введение в теорию коммуникации. Воронеж: Изд-во ВГТУ, 2000. 175 с.
19. Кибрик А.А. О важности лингвистического изучения русского жестового языка // Лингвистические права глухих / под ред. А.А. Комаровой Н.А. Чаушьян, М.: ООИ ВОГ.2008. С.122–129.
20. Королькова О.О. Проблемы классификаций жестов русского жестового языка // Научный диалог. 2016. № 8 (56). С. 46–59.
21. Крейдлин Г.Е., Хесед Л.А. Тело в диалоге и некоторые проблемы мультимодальной коммуникации: признак «размер соматического объекта» // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». 2015. Вып. 14 (21). Т. 1. С. 321–338.
22. КСКТ – Краткий словарь когнитивных терминов // Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. М.: Филол. ф-т МГУ им. М.В.Ломоносова, 1996. 245 с.
23. Литвиненко А.О., Николаева Ю.В., Кибрик А.А. Аннотирование

русских мануальных жестов: теоретические и практические вопросы // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам международной конференции «Диалог 2017». 2017. Вып. 16 (23). Т. 2. С. 271–287.

24. Лихачёв Д.С. Русская культура. М.: Искусство, 2000. 440 с.

25. Лоскутникова В.М. Хабермас и Луман: два подхода к исследованию процессов коммуникации в современном обществе // Гуманитарная информатика. 2004. № 1. С. 81–96.

26. Магировская О.В. Репрезентация субъекта познания в языке. М.; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2008. 223 с.

27. Моисеева А.П. Основы теории коммуникации. Томск: Том. политехн. ун-т., 2004. 128 с.

28. Прозорова Е.В. Российский жестовый язык как предмет лингвистического исследования // Вопросы языкознания. 2007. № 1. С. 44–61.

29. Прозорова Е.В. Маркеры локальной структуры дискурса в русском жестовом языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Москва, 2009. 25 с.

30. Реформатский А.А. О перекодировании и трансформации коммуникативных систем // Исследования по структурной типологии. 1963. С. 208–215.

31. Ручимская Е.М. О терминах семиотика, информация, коммуникация, знак, язык // Русская речь. 2012. № 1. С. 26–32.

32. Седых А.П. Природа эмоций и их классификация в гуманитарных науках и языкознании // Научные ведомости. Серия гуманитарные науки. 2012. № 6 (125). Выпуск 13. С. 108–115.

33. Семушина Н.И. Билингвизм глухих и языковая самоидентификация личности // Русский жестовый язык: Первая лингвистическая конференция. Сборник статей / Под ред. О.В. Фёдоровой. М., 2012. С. 114–122.

34. Стернин И.А., Стернина М.А. Очерк американского коммуникативного поведения. Воронеж: ВГУ, 2001. 206 с.
35. Сурдосервер [Электронный ресурс] // URL: <https://surdoserver.ru/> (дата обращения: 01.06.2019).
36. Толковый словарь Ожегова [Электронный ресурс] // URL: <https://slovarozhegova.ru/> (дата обращения: 22.05.2019).
37. Фёдорова О.В. и др. Временная координация между жестовыми и речевыми единицами в мультимодальной коммуникации // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». 2016. Вып. 15 (22). С. 159–170.
38. ФЗ — Федеральный закон № 296-ФЗ от 30 декабря 2012 г. «О внесении изменений в статьи 14 и 19 Федерального закона «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Российская газета, 2013. № 3. URL: <https://rg.ru/2013/01/11/invalidi-dok.html> (дата обращения: 15.12.2017)
39. Ходунова Т.И. Американский жестовый язык как средство межкультурной коммуникации // Сборник трудов четвертой региональной научно-практической конференции «Социализация, адаптация и межкультурная коммуникация подрастающих поколений в России и за рубежом. Проблемы, поиски, решения» / под науч. ред. д-ра пед. наук, проф. В.И. Петрищева. Красноярск. Изд-во КГПУ им. В.П. Астафьева, 2015. С. 16–20.
40. Цукерман В.А. Слух, зрение, человек // Химия и жизнь. 1979. № 12. С. 34–40.
41. Цукерман И.В. Прием и передача вибрационных сигналов азбуки Морзе как способ связи глухих и слепоглухих по телефону: автореф. дисс. ... канд. пед. наук: 733. М., 1968. 13 с.
42. Якобсон Р.О. Язык в отношении к другим системам коммуникации // Избранные работы. М.: Прогресс, 1985. С.319–330.
43. Allwood J., et al. Multimodality in own communication management //

Multimodal Communication: Proceedings from the Second Nordic Conference on Multimodal communication/ J. Allwood, B. Dorriots, S. Nicholson (eds.) Gothenburg Papers in Theoretical Linguistics, Department of Linguistics, Goteborg University.2005. P. 43–62.

44. Bakken Jepsen J., et al. Sign Languages of the World : A Comparative Handbook. De Gruyter, 2015. 1000 p.

45. Best C.T. et al. Effects of sign language experience on categorical perception of dynamic ASL pseudosigns // Attention, Perception, & Psychophysics. 2010. Vol. 72 (3). P. 747–762.

46. Bonacchi S., Karpiński M. Remarks about the use of the term “multimodality” // Journal of multimodal communication studies. 2014. Vol. I. P. 1–7.

47. Boutet D., Morgenstern A., Cienki A. Grammatical aspect and gesture in French: A kinesiological approach // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriâ Lingvistika. 2016. Vol. 20. № 3. P. 132–151.

48. Braffort A. Research on Computer Science and Sign Language: Ethical Aspects // Gesture and Sign Language in Human-Computer Interaction. GW 2001. Lecture Notes in Computer Science / Wachsmuth I., Sowa T. (eds). Berlin: Springer, 2002. Vol. 2298. P. 1–8.

49. Bresse J. A linguistic perspective on the notation of form features in gestures // Body — Language — Communication: An International Handbook on Multimodality in Human Interaction / Müller C., Cienki A., Fricke E., Ladewig S. H., McNeill D. & Teßendorf S. (eds.). Vol. 1, Berlin: Mouton. 2013 b. P. 1079–1098.

50. Bresse J. Transcription systems for gestures, speech, prosody, postures, and gaze // Body — Language — Communication: An International Handbook on Multimodality in Human Interaction / Müller C., Cienki A., Fricke E., Ladewig S. H., McNeill D. & Teßendorf S. (eds.). Vol. 1, Berlin: Mouton. 2013 a. P. 1037–1060.

51. Cambridge dictionary [Электронный ресурс] // URL:

<https://dictionary.cambridge.org/ru/>(дата обращения: 20.05.2019).

52. Cienki A.J., Müller C. Metaphor, gesture, and thought // The Cambridge handbook of metaphor and thought /R. W. Gibbs (Ed.). 2008. Cambridge: Cambridge University Press. P. 483–502.

53. Collins dictionary [Электронный ресурс] // URL: <https://www.collinsdictionary.com/> (дата обращения: 31.05.2019).

54. Conde-Silvestre J.C. The code and context of Monasteriales Indicia: a semiotic analysis of late Anglo-Saxon monastic sign language // StudiaAnglicaPosnaniensia. 2001. № 3. P. 145–169.

55. Emmorey K. Do signers gesture? // Gesture, speech, and sign / L. Messing and R. Campbell (Eds). 1999. Oxford University Press: New York. P. 133–159.

56. Emmorey K. Language, cognition, and the brain: Insights from sign language research. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum and Associates, 2002. 383 p.

57. Feldman H., Goldin-Meadow S., Gleitman L. Beyond Herodotus: The creation of a language by linguistically deprived deaf children // Action, symbol, and gesture: The emergence of language / A. Lock (Ed.). 1978. New York: Academic Press. P. 351–414.

58. Ferré G. Timing Relationships between Speech and Co-Verbal Gestures in Spontaneous French // Language Resources and Evaluation, Workshop on Multimodal Corpora. 2010. P. 86–91.

59. Goldin-Meadow S., Feldman H. The creation of a communication system: A study of deaf children of hearing parents // Sign Language Studies. 1975. № 8. P. 225–234.

60. Goldin-Meadow S. When does gesture become language? A study of gesture used as a primary communication system by deaf children of hearing parents//Tools, Language and Cognition in Human Evolution / K. Gibson, T. Ingold (eds.).Cambridge: Cambridge University Press, 1993. P. 63–85.

61. Hand Speak [Электронный ресурс] // URL: <https://www.handspeak.com> (дата обращения: 01.06.2019).

62. Hewes G.M. Primate communication and gestural origin of language // *Current Anthropology*. 1973. Vol. 14. P. 5–24.

63. Johnston T. Sign Language: Morphology // *Encyclopedia of Language & Linguistics*. 2006. P. 324–328.

64. Karpiński M., Jarmołowicz-Nowikow E., Czoska A. Gesture annotation scheme development and application for entrainment analysis in task-oriented dialogues in diverse cultures // *Proceedings of GESPIN 2015 Conference, Nantes, France*. 2015. P. 161–166.

65. Kendon A. Human gesture // *Tools, Language and Cognition in Human Evolution* / K.Gibson, T.Ingold (eds.). Cambridge: Cambridge University Press. 1993. P. 43–62.

66. Ladewig S.H., Bressemer J. A linguistic perspective on the notation of gesture phases // *Body — Language — Communication: An International Handbook on Multimodality in Human Interaction* / Müller C., Cienki A., Fricke E., Ladewig S. H., McNeill D. & Teßendorf S. (eds.), Vol. 1, Berlin: Mouton. 2013. P. 1060–1078.

67. Lasswell H.D. The Structure and Function of Communication in Society // *The Communication of Ideas: A Series of Addresses* / Bryson L. (ed.), New York: Cooper Square Publishers. 1948. P. 32–35.

68. Magno Caldognetto E., Cosi P. Multimodalità e Multimedialità nella Comunicazione // *Atti delle XI Giornate di studio del Gruppo di Fonetica Sperimentale dell'Associazione Italiana di Acustica*. Padova: Unipress. 2001. P. 137–144.

69. Magno Caldognetto E., Poggi I., et al. Multimodal Score: An ANVIL Based Annotation Scheme for Multimodal Audio-Video Analysis // *Workshop on Multimodal Corpora LREC 2004*. Centro Cultural de Belem, Lisboa, Portugal. 2004. P. 29–33.

70. McKee D., Kennedy G. Lexical comparison of signs from American, Australian, British and New Zealand Sign Languages // *The signs of language revisited: An anthology to honor Ursula Bellugi and Edward Klima* / K.

Emmorey & H. Lane (eds.). Mahwah, NJ.: Lawrence Erlbaum Associates. 2000. P. 49–76.

71. McLuhan M., Fiore Q. The Medium is the Massage: An Inventory of Effects. N.Y.: Random House, 1967. 159 p.

72. McNeill D. Hand and Mind. What Gestures Reveal about Thought. Chicago: University of Chicago Press, 1992. 423 p.

73. McNeill D. Gesture as a window onto mind and brain, and the relationship to the linguistic relativity and ontogenesis // Body — Language — Communication: An International Handbook on Multimodality in Human Interaction / Müller C., Cienki A., Fricke E., Ladewig S. H., McNeill D. & Teßendorf S. (eds.). Vol. 1, Berlin: Mouton. 2013. P. 28–54.

74. Merriam-Webster dictionary [Электронный ресурс] // URL: <https://www.merriam-webster.com/> (дата обращения: 31.05.2019).

75. Mol L., et al. Adaptation in gesture: Converging hands or converging minds? // Journal of Memory and Language. 2012. №33. P. 249–264.

76. Müller C. Redebegeleiten de Gesten. Kulturgeschichte – Theorie – Sprachvergleich. Berlin: Berlin-Verlag Arno Spitz, 1998. 311p.

77. Napoli D.J., Sutton-Spence R. Order of the major constituents in sign languages: Implications for all language // Frontiers in Psychology. 2014. № 5. P. 1–18.

78. Newman A.J. et al. Neural systems supporting linguistic structure, linguistic experience, and symbolic communication in sign language and gesture // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America. 2015. Vol. 112. No. 37. P. 11684–11689.

79. Oatley K. Best laid schemes: the psychology of emotions. Cambridge: University Press, 1992. 525 p.

80. Ortony A., Clore G., Collins A. The Cognitive Structure of Emotions. Cambridge: University Press, 1988. 207 p.

81. Padden C.A. The ASL lexicon // Sign Language & Linguistics. 1998. Vol. 1. P. 39–60.

82. Perry M., Church R. B., Goldin-Meadow S. Transitional knowledge in the acquisition of concepts // *Cognitive Development*. 1988. № 3. P. 359–400.

83. Pfau R. Morphology // *The Linguistics of Sign Languages: An introduction* / A. Baker, B. van den Bogaerde, R. Pfau & T. Schermer (Eds.). Amsterdam: John Benjamins. 2016. P. 197–228.

84. Quek F., McNeill D., et al. Multimodal Human Discourse: Gesture and Speech // *ACM Transactions on Computer-Human Interaction* 9. 2002. № 3. P. 171–193.

85. Quinn G. Schoolization: An Account of the Origins of Regional Variation in British Sign Language // *Sign Language Studies*. 2010. № 10(4). P. 476–501.

86. Ruesch J., Kees W. *Nonverbal Communication: Notes on the Visual Perception of Human Relations*. Berkley: University of California Press, 1956. 205 p.

87. Signing Savvy [Электронный ресурс] // URL: <https://www.signingsavvy.com> (дата обращения: 01.06.2019).

88. Spread the Sign [Электронный ресурс] // URL: <https://www.spreadthesign.com/ru/> (дата обращения: 10.04.2018).

89. Stokoe W.C. Sign Language Structure: An Outline of the Visual Communication Systems of the American Deaf // *Studies in Linguistics. Occasional Papers*. 1960. № 8. P. 1–78.

90. Stokoe W.C. A Historical Perspective on Sign Language Research: A Personal View // *Sign language Research. Theoretical issues*. (Proceedings of the International Conference, Theoretical Issues in Sign Language Research, II, May 18–21, 1988 at Gallaudet University) / C. Lucas (ed.). Washington: Gallaudet University Press. 1990. P. 1–8.

91. Wagner P., Malisz Z., Kopp S. Gesture and speech in interaction: An overview // *Speech Communication*. 2014. № 57. P. 209–232.

92. Zeshan U. Design of the volume // *Interrogative and negative constructions in sign languages*. Sign Language Typology Series No. 1/ ed. by

U. Zeshan. Nijmegen: Ishara Press, 2006a. P. 13–27.

93. Zeshan U. Roots, leaves and branches – The typology of sign languages // Sign Languages: spinning and unraveling the past, present and future. TISLR9, forty five papers and three posters from the 9th Theoretical Issues in Sign Language Research Conference. Florianopolis, Brazil, December 2006 / R. Müller de Quadros (ed.). Petrópolis: Arara Azul. 2006b. P. 671–695.

94. Zucchi S. Formal Semantics of Sign Languages // Language and Linguistics Compass. 2012. Vol. 6, Issue 11. P. 719–734.

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
Институт филологии и языковой коммуникации
Кафедра теории германских языков и межкультурной коммуникации

УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой ТГЯиМКК

 /О.В. Магировская/
« 28 » июня 2019 г.

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ

**ЖЕСТОВЫЙ ЯЗЫК
КАК ОСОБАЯ СИСТЕМА КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ
(на материале жестов, репрезентирующих эмоции и чувства
в американской и русской лингвокультурах)**

45.04.02 Лингвистика

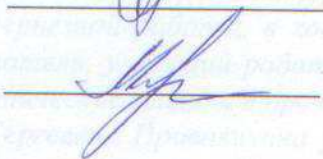
45.04.02.01 Межкультурная коммуникация и перевод

Магистрант

Е.С. Привалихина

Научный руководитель

д-р филол. наук, доцент
О.В. Магировская

Нормоконтролёр

М.В. Файзулаева

Красноярск 2019